

Александр Вовк

К о г о
в ы б и р а е т
ж и з н ь ?

16+

Александр Вовк
Кого выбирает жизнь?

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Вовк А. И.

Кого выбирает жизнь? / А. И. Вовк — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Налаженная жизнь интересного, умного и творческого профессора внезапно рухнула. Борясь с тяжелым инфарктом нежно любимой жены, без которой ему не жить, он и сам с инсультом угодил в реанимацию. Уже находясь «там», по мнению врачей, он все-таки воскрес, но, придя в себя, осознал весь ужас семейной драмы. Явилось горькое отчаяние. В реанимации месяц не держалось давление. Только с дозатором. Иначе – сразу в ноль. Медики сложили руки. От прежней жизни остались лишь воспоминания и размышления, разъедающие душу. Днём и ночью. «И вот так, экспонатом, теперь до конца? – не мог не понять он. – Нужно что-то решать...»

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	12
5	13
6	15
7	17
8	18
9	21
10	23
11	26
12	28
13	30
14	32
15	37
16	38
17	41
18	42
19	43
20	44
21	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

1

– Леонид Андреевич, голубчик! Надо же понимать, что это установка сверху; нельзя в реанимации больных держать столь долго! Еще, не дай бог, страховая компания с нас взыщет! – заместитель главврача, молодой и пухлый, всегда использовал слово «голубчик», если начинал выходить из себя, натываясь на скрытое и, тем более, на явное несогласие с ним подчиненных. – Насколько я понимаю, вон тот! – он кивком указал на меня, не зная, что ко мне вернулось сознание и я, хотя и не в силах открыть глаза, уже всё слышу. – Он сколько суток здесь нежится? Больше недели! Ну-ну! Нельзя так, голубчик! Нельзя! Поступления у нас большие; нужны свободные места, а у вас хронические задержки наблюдаются...

– Аркадий Симонович, его нельзя переводить! Он с поступления находится без сознания? А основные показатели почти в порядке... Тяжелый ишемический инсульт! Но я надеюсь, мы его скоро вытащим, тогда и переведем... – возразил Леонид Андреевич, подкупавший благородным обликом любого, когда-то имевшего с ним дело.

– Ну, вот! Какой вы у нас, голубчик, непонятливый! – сменив прежнюю плаксиво-ласковую интонацию на нетерпеливо-вежливую, прервал его заместитель главврача. – И весьма впечатлительный, к тому же... Я сказал бы, даже сентиментальный! – и, направляясь к выходу из тесноватой палаты интенсивной терапии, надавил голосом. – Надеюсь, вы всё поняли, голубчик, и сегодня же переведете его в неврологию... В третье отделение!

– Так ведь рано, Аркадий Симонович! Он без сознания... А за свободные места не волнуйтесь! Вон, рядом с ним свободная койка, в случае чего! И в отделении еще четыре свободных! – возразил Леонид Андреевич, что заметно возбудило заместителя главврача.

– Ну, как знаете! А руководство клиники во всех случаях будет поступать в соответствии со своими полномочиями! В том числе, и в кадровых вопросах! – закончил он недвусмысленной угрозой увольнения.

«Только этого мне и не хватает! Чем больше радеешь за больных, тем меньше нужен нашему славному здравоохранению!» – с усмешкой, не компенсирующей огорчения, констатировал Леонид Андреевич, когда дверь за начальником закрылась.

Через минуту в ней, едва приоткрытой, показалось испуганное личико медсестры.

– Входите, Анна Павловна! За системой-то вы аккуратнее следите, пожалуйста... Я ее уже сам перекрыл! – с упреком, но без давления произнес Леонид Андреевич.

– Да, я всё ждала, когда Аркадий Симонович уйдет! – шепотом оправдалась хорошенькая медсестра. – А вы вчера смотрели программу «Время»? – спросила она, привычно орудуя рядом со мной различными трубками, иглами и мерными склянками.

– Нет, Аня! Я эту программу редко смотрю. Не до нее как-то...

– Тогда я вам расскажу, Леонид Андреевич! Ведь еще одну бригаду «Скорой» исколошматили... Прямо, напасть какая-то! Уже домой после дежурства бывает страшно ходить! Мало того, что грязь всюду по щиколотки, так еще ужасы такие происходят!

– Анна Павловна! Вам мой совет: делайте своё дело на совесть, относитесь к больным, как к самым родным своим людям, и нечего будет вам бояться!

– Ну, да! – не поверила девушка. – Откуда же эти бандиты узнают, как я работаю!

– Да кто же вам сказал, что всюду у нас бандиты?

– Вы шутите? А кто же они?

– Ну, не знаю... Сдаётся мне, что такое чаще происходит от безысходности и желания восстановить хоть какую-то справедливость! Всё это, думаю, не столь уж очевидно. Не агрессия это и, тем более, не внушаемый нам с экрана ужасный и кровожадный терроризм, якобы всюду нас поджидающий! Справедливость нужна во всём... Так что, не бойтесь! Ну, что же вы! Опять

вену расковыряли! О больном следует думать больше, а не о мнимых опасностях! – упрекнул врач.

– Вены у него совсем никудашные, Леонид Андреевич! – стала оправдываться медсестра. – «Подключичку» бы поставить, да ведь сами говорили, что все закончились...

В палату как всегда шумно ввалился Владимир Александрович, коллега Леонида Андреевича, заполнив своей богатырской фигурой и без него стесненное пространство.

– Так вот ты где прячешься! – обрадовался он к Леониду Андреевичу. – А тебя Аркаша в шестую призывает... Злой, как обиженный лев! Видно, сегодня он на тебя зубы точит! – хохотнул Владимир Александрович. – Не всегда же меня грызть! Пусть я и большой как слон, но экономить меня всё же следует! И устал я! Даже не представляю, когда тебе смену сдам, а спать хочу, как младенец! Ночка сегодня выдалась, не поверишь! Трех вынесли, хотя боролся за каждого больше, нежели они сами... Да и соседа, который был рядом с твоим ученым приятелем, – он мотнул головой в мою сторону, – Еще ночью в морг определили! Зато приятель твой тут выдавал-старался: в пять двадцать систолическое рухнуло до сорока... Я уже собирался экспресс заказывать! Но вытащили, слава богу! Ну а ты иди, иди... Получай у шефа, что заработал!

Мне, наконец, удалось вырваться из тумана и разорвать слипшиеся веки. Окружающее пространство мутно закачалось в неустойчивом сознании. Резкость не устанавливалась; все предметы, словно карусель, завертелись вокруг меня по часовой стрелке. Тупо болел неаккуратно проткнутый иглой локоть, опутанный проводами и трубками. Я, видимо, застонал, чем обратил на себя внимание Владимира Александровича.

– А вот и наш дружок вернулся! – обрадовался он. – Какой вы, право! Лечили вас, лечили! А вы взяли да и пришли в сознание! Верно люди говорят: «Если человек захочет жить, то медицина против него бессильна!» – он захихикал. – Что сказать-то хотели?

От слабости я опустил чугунные веки, и сразу вспомнилась и кафедра, и молодой наш декан, взявшийся откуда-то по щучьему или сучьему велению на погибель заслуженного факультета, живущий с начальством по принципу «что изволите?», и последний с ним разговор... Нет! Об этом как-нибудь потом! Не сейчас... Перед глазами всё плывет, вызывая пугающую слабость и тошноту... Оборот в секунду! Еще оборот, еще один... Не сейчас. Не сейчас.

Владимир Александрович взгляделся в показания «Сименса», попискивающего в моём изголовье, и удовлетворенно хмыкнул:

– Что ни говори, но чудеса случаются! Если стараться, разумеется, изо всех сил! И даже безнадежный, смотри-ка... Значит, будем продолжать начатую терапию...

2

Я лежал молча, не открывая глаз (в этом случае головокружение успокаивалось), и меня неотступно подтачивала мысль, будто я немедленно обязан вспомнить что-то очень-очень важное.

Вспомнить обязательно! Вспомнить теперь же, поскольку от этого многое в моей жизни будет зависеть. Но что именно мне надлежит вспомнить, само собой никак не вспоминалось, сколько я себя ни изводил. Это наполняло меня сильным и непреходящим беспокойством!

Параллельно со столь странным ощущением на меня который уж раз, словно танк, накатывало необычное видение, будто я, совсем крохотный, хотя и взрослый, уперся в ступеньку чудовищных размеров, которую для своего спасения обязан преодолеть. Но она столь высока, что забраться на нее мне не по силам. Вот и топчусь перед ней. Ни влево хода нет! Ни вправо хода нет! Вперёд-то можно, но лишь, поднявшись на ту злополучную ступеньку. А где взять силы или как настолько подрасти? Где взять мудрость, чтобы преодолеть этот короткий путь, за которым, мне представлялось, откроется другая и более безопасная жизнь... А что, если вместо нее снова возникнет очередная и непреодолимая ступенька?

«Но я же в успехе уверен!» – подогревал я себя то ли во сне, то ли наяву, чтобы не сдаваться. «И чтобы там ни было, как бы трудно мне не пришлось, сколь велики бы ни оказались связанные с этим затраты и потери, я всё равно поднимусь... Я обязательно взберусь на ту ступеньку. Я всё преодолею! Пусть только изматывающее головокружение закончится! И эта тошнота! Они вместе... Они меня, в конце концов, добьют...»

Пока я заклинал свою судьбу, убеждая себя в своих невероятных возможностях, мимо проскользнула сказочной прозрачной тенью та самая важная мысль, которая никак мне не поддавалась, а вместе с ней появился светлый расплывчатый, будто утренний туман на остывшей за ночь летней речке, притягательный образ жены, самого дорогого и нужного мне человека.

И перед глазами сразу прокрутилось недавно случившееся! Уж лучше бы этого кошмара не было вовсе! Лучше бы не было того, что теперь следует раскручивать, вспоминая!

Но память, видимо, достаточно отдохнувшая, поскольку в бессознательном состоянии не напрягалась, с изуверской услужливостью принялась выстраивать невыносимые картины тех событий.

3

Для нас (меня и моей жены) то злополучное утро началось как обычно. Звонок будильника без раскочки включил нас в повседневную суету утренних сборов. Труба настойчиво звала каждого на своё рабочее место, до которого мы были обязаны часовым штурмом преодолеть откровенную нелюбовь к нам различного общественного транспорта. Но в привычном ритме сборов что-то сразу не заладилось. Весело выскочив из ванной, я обнаружил тебя притихшей и настороженной на краю кровати, испуганно прислушивающейся к себе.

– Ты не волнуйся... Слабость какая-то... Сейчас пройдёт, – постаралась успокоить меня ты, прижимая руку к груди, но в меня уже ворвалась переворачивающая всё тревога, включающая самые страшные картины воображения и лишаящая способности мыслить рационально.

– Людок, что? Опять сердце? Скорую?

– Нет, нет! Я полежу... Может, пройдет... У нас такие важные задачи сегодня на работе... Я полежу...

Я опустил на колени рядом с кроватью, поцеловал жену в оголенное по-утреннему плечо, и успокоил:

– Конечно же, Людок, сейчас пройдет. Сама только не накручивай. На тебе лица нет. И какая работа, к черту? Отдохни сегодня...

Я торопливо выхватил из буфета коробку с экстренными лекарствами, долго не находя ее на привычном месте из-за несвойственного мне внутреннего переполоха, и дал супруге несколько таблеток валидола и нитроглицерина, польза от которых, как всегда мне представлялось, лишь психологическая. Но, хоть что-то!

Боли в груди усиливались, хотя больше тебя почему-то беспокоили скулы. Их сводило от какой-то необычной боли, а уже она, в свою очередь, делала ватным всё тело и включала непрерывно нарастающую тревогу и страх.

Я вызвал «Скорую», потом позвонил на работу, к себе и супруге, и стал метаться из комнаты в комнату, периодически измеряя тебе давление, и опять выходил хоть куда, лишь бы не видеть твою обреченную беспомощность и на этом фоне не ощущать своё бессилие.

Час за часом ожидания «Скорой» уходила наша прежняя и вполне благополучная жизнь. Впрочем, одновременно каждая минутка бесконечно растягивалась, всё больше выматывая меня моей собственной болью от того, что я видел твои мучения и переносил их на себя. Никакой помощи от нашего непрерывно «реформируемого», то есть, постоянно ухудшающегося здравоохранения, по-прежнему не было. Я нервно ждал, я звонил повторно, и всякий раз вежливый и бездушный женский голос извещал, что машина на вызове, ждите! Я взывал к их опыту, медицинскому образованию и к элементарной человечности, просил объяснить, как облегчить твоё состояние до приезда медицинской бригады и опять слышал тот же безучастный голос: «Таких справок без осмотра больного не даём! Ждите врача!»

Казалось бы, всё у них правильно! Без осмотра не даём! А что вообще вы, черт побери, даете! Для чего вы нам нужны такие, если именно в тот момент, когда вы жизненно необходимы, вас часами не дожدهшься, непонятно где вы катаетесь, где вы прячетесь, черт побери, а когда приезжаете, то у вас не оказывается с собой самого необходимого!

Я метался, временами зверел, ругаясь сквозь зубы, уже готовый разнести вокруг всё и вся, но тут же вспоминал о твоих мучениях и опять бросался к тебе, сидел рядом на полу, поглаживал твои руки, укрывал пледом, приносил воду, давал какие-то незнакомые мне лекарства (ты сама их называла), потом снова метался и, выходя из комнаты вон, тихо выл от бессилия и ярости, но «Скорая» не появлялась!

В тот момент я, помню это четко, сознавал лишь одно – подлое лицемерие всей нашей системы, которая, конечно же, давно нашей ни на йоту не является. Это лицемерие со всего

размаху ударило по нам и переполнило мою чашу терпения. Еще недавно, походя, я краем уха слышал надоедливые теле- или радиорепортажи о том бардаке, который, созданный в стране искусственно и целенаправленно, добывает мой народ, но в то время я находился достаточно далеко от подобных проблем. Слышал, как говорили о часто сгорающих по «неизвестным» причинам домах для престарелых, домах для инвалидов, интернатах для одиноких пенсионеров и прочих объектах якобы социальной помощи. Ничего себе, помощь! Все эти российские крематории сгорали вместе со своими обитателями, с нашими согражданами, отдавшими стране здоровье задолго до последней своей трагедии! Об этом часто говорили везде и всюду, а они продолжали сгорать везде и всюду, но «меры» принимались лишь на словах, и только теми людьми, которые давно себя дискредитировали в глазах населения, но театрално пускали с экрана скупую мужскую слезу, якобы потрясенные случившимся! Случившимся, между прочим, по их вине, а, возможно, по их непосредственному умыслу, распространяющемуся на успешно уничтожаемую страну.

В качестве некоторых из обещанных мер, слышал я мимоходом, предполагалось ужесточить нормативы на приезд пожарных бригад и «Скорой помощи». Теперь они обязаны появляться не позже двадцати минут после вызова. Независимо от того, есть ли рядом пожарная часть и отделение «Скорой помощи» или ближайšie из них находятся где угодно, хоть в областном центре.

Ну и что, скажите мне, изменилось после «принятия» столь жестких мер? Конечно же, ничего! Какими бы жесткими ни казались декларируемые меры, ничего в лучшую сторону они не меняют, ибо всеми они и, прежде всего, исполнителями, рассматриваются лишь как некий вынужденный спектакль, приуроченный к очередному трагическому событию, на которое эта власть обязана отреагировать. Чтобы хоть самые наивные ее почитатели не догадались о подлинной сути этой власти. Да и власть эта, совершенно ясно, даже не помышляла о том, чтобы хоть что-то улучшить! Какие вы, право же, наивные, если на это надеялись! Власть исполняет лишь требования ВТО, которые предписывают сделать здравоохранение частной лавочкой, не обязанной обеспечивать здоровье населения, а оказывающей ему услуги. А с услугами у нас всегда и везде получается одинаково плохо.

Поискав в интернете номер телефона, я позвонил в приемную областного Минздрава, описал им ситуацию вполне спокойно, насколько смог. После паузы вежливый женский голос известил, что в ближайшее же время положение исправят, и я опять долго ждал от них хотя бы звонка, обнадеживающего звонка. Так и не дождавшись, минут через сорок, я позвонил повторно, рассчитывая добиться хотя бы объяснений. Увы! Тот же вежливый голос посоветовал мне не волноваться и, словно угрожая, предупредил, что все разговоры записываются.

– Ну и хорошо! – не выдержал я. – Может, хоть таким образом вы отреагируете на мои слова! А то ведь с вашей скоростью по дороге забудете, куда собирались ехать!

– Пожалуйста, не говорите лишнего! Ведь это не в ваших интересах! – убаюкивал меня потрясающим спокойствием вежливый голос.

– В моих интересах лишь спасение моей супруги, к которой за несколько часов никак не доедет ваша так называемая «Скорая»! – уже на повышенных тонах парировал я, даже не слушая бормотания вежливого голоса. – А своему министру от меня передайте, если он не смог даже в своём областном центре наладить работу «Скорой помощи», то он никак не соответствует должности. При таком положении дел, если какая-то честь у него еще осталась, лучше бы ему застрелиться. Возможно, хоть тогда от него будет какая-то польза здравоохранению, которое он разваливает. И, возможно, привлечет внимание тех, кто еще способен что-то исправить! Всё! Живите счастливо, никого и ничего не замечая! – в сердцах выпалил я и отключил телефон.

Правда, через минуту я пожалел о своём выпаде – помочь-то не помогут, а навредят основательно! Уж об этом их просить не придётся!

Только через шесть тягучих часов домофон известил о прибытии «Скорой».

Медиков я с надеждой встречал у лифта. Один из них, видимо, старший по должности, застыв у двери, промямлил:

– Бахилы...

– Что? – не понял я, приглашая их всех поскорее проследовать к супруге.

– Бахилы дайте, – тем же тоном попросил старший.

– Ах! – засуетился я, подумав с ехидцей: «Видимо, у них теперь такие порядки – даже в столь тяжелый момент больше заботиться об имуществе пациентов, нежели об их здоровье! Неужели в подобных ситуациях к ним ещё столь мелочные претензии предъявляют?»

Нужные причиндалы, давно приготовленные на всякий случай моей хозяйственной и предусмотрительной женошкой, я извлек из тумбочки. Долгожданные медики не спеша облачились в синие полиэтиленовые мешки, и тогда «старший» мне разрешил:

– Показывайте!

Я тут же потащил его за собой, перехватив из его рук большой медицинский чемодан. Признаюсь, в этот миг у меня появилась надежда, что эти люди нам помогут. Я был ещё зол на всю медицину за то, что она бросила нас в беде, но, в соответствии со своими правилами, ни при каких обстоятельствах не выразил бы ни малейшего неуважения незнакомым людям. В своей жизни я многое повидал, потому давно пришел к выводу: «В любой структуре, даже абсолютно мерзкой (не стану пока приводить примеры, поскольку этот вопрос требует длительного разъяснения), где людей унижают самыми изощренными способами, всегда в руководстве найдется хотя бы один порядочный человек. Потому я всегда и везде искал именно такого, надеясь на него опереться! Конечно, теперь порядочные люди встречаются редко, но всё-таки они есть! Именно потому при любом знакомстве, опасаясь ошибиться по первому и не самому лучшему впечатлению, я всегда обращался ко всем исключительно вежливо и доброжелательно, чтобы, не дай бог, не обидеть напрасно. В последующем, когда на основе наблюдений формировал о новых знакомых более точное мнение, мог с ними и разругаться, если этого требовало дело, но никогда – при первом знакомстве!

«Старший» невнятно расспрашивал меня, непрерывно записывая что-то в свой бланк, в то время как одна из девушек измеряла жене артериальное давление («235 на 116, а ЧСС 43 удара», – отчиталась она), а затем принялась снимать кардиограмму; другая готовила шприцы и медикаменты. Обе работали быстро и согласованно между собой, и я мысленно молился, чтобы они оправдали название своей службы.

Тем не менее, очень скоро стало ясно, что их приезд вряд ли сможет улучшить наше положение. Еще бы! Ввести магнезию внутривенно они не сумели, поскольку не захватили с собой жгута. Да и вены больной, по их утверждению, оказались очень плохими; кардиограмма тоже не пошла, так как зажевалась лента; наконец, отказавшись от попыток найти вену хоть где, они без разъяснений дали жене жменю таблеток, заверив, что давление скоро нормализуется; ещё немного посидели, а когда через десять-пятнадцать минут наметилась тенденция к снижению давления, попрощались и уехали, пообещав завтра прислать к нам участкового врача.

Мы опять остались наедине с непонятным нам, но достаточно прочувствованным кошмаром, слабо надеясь, что самое страшное всё-таки осталось позади. Лишь после отъезда медицинской бригады я с испугом вспомнил, что ни о каком диагнозе в разговоре со мной почему-то не было и речи. Потом на оставленном «старшим» листке, я обнаружил неразборчивое «Гипертонический криз» и слегка успокоился. Хоть что-то!

Так или иначе, но от таблеток тебе полегчало. Давление, которое я продолжал измерять и записывать через каждые пятнадцать минут, медленно сползло вниз и, наконец, настал

момент, когда ты, бедняжка, бесконечно измученная, смогла заснуть, освободившись от сильных загрудинных болей. Я понимал, что сон будет тебе во благо и сам, тоже измотавшийся, несколько успокоился, поглаживая бесконечно любимые волосы, уже не столь пахучие, как это было сорок лет назад, но по-прежнему источающие волнующий меня аромат, и незаметно для себя заснул рядом.

4

Мои тягостные воспоминания прервались излишне жизнерадостным вторжением в них Владимира Александровича:

– Дорогуша, как ваше самочувствие? Вижу-вижу, что не спите! И это правильно! У нас не принято залеживаться! Здесь не дом отдыха! Ха-ха-ха! Через день-другой переведем вас в неврологию, а оттуда и до дома рукой подать!

Глаза никак не раскрывались, несмотря на титанические усилия с моей стороны. Больно потрескавшиеся и пересохшие губы, словно деревянные, не справлялись с ответом. Наконец, я разорвал слипшиеся веки и сквозь образовавшуюся в них щёлочку разглядел ровные светлые стены, а на их фоне пышущего здоровьем великана в белом халате. Стало быть, это он пытался со мной говорить, это он смотрит на меня смеющимся взглядом?

– Жена? – получилось у меня единственное слово, сопровождаемое произвольным шипением. Язык оказался чересчур большим, твердым и сухим, чтобы нормально выговаривать слова. Десны также пересохли, а мелкие трещинки в них болезненно воспалились. Каждое слово давалось с пыткой.

– Не понял! Что хотите, дорогуша? – затрубил надо мной великан.

– Как... жена? – получилось у меня чуть лучше прежнего.

– Ах, вон оно что? Не знаю, дружок! Мы же только вами занимаемся. Меня пока только ваша голова интересует. Как она? Кружится?

Я не смог ответить, только отвел голову чуть в сторону. Он понял; раскрытыми ладонями взмахнул пару раз в мою сторону, мол, «Лежите, лежите», и шумно умчался. Вместо него появились две шустрые медсестры и с еще большим усердием взялись за моё лечение: внутривенно, внутримышечно, перорально и ещё, бог знает, как у них это называется. Время для меня перестало существовать в его привычном измерении. День спутался с ночью, часы и минуты потеряли смысл.

Не знаю, сколько прошло часов или суток, когда я опять приоткрыл глаза и облегчённо расслабился – ничего вокруг меня не вертелось! «Что же с тобой и со мной случилось? Я ничего не помню. Да и важно ли это? Важно сейчас совсем другое, но что именно?» Этого я не мог вспомнить. Может, потому и моя тревога усилилась настолько, что принялась основательно давить на психику.

И всё-таки я вспомнил! Всё моё беспокойство оказалось лишь о тебе! Просто я до сих пор не смог узнать, где ты и что с тобою стало? Где ты? И потому нет для меня вопроса важнее, но из-за осознания полной невозможности получить хоть какой-то ответ, я принялся громко стонать. Тут же с немим вопросом на лице приблизилась сестричка:

– Вас что-то беспокоит? – участливо поинтересовалась она.

– Жена... – выдохнул я и, о, чудо! Неожиданно получил от нее почти исчерпывающий ответ:

– Я вашу жену пока не видела, но вчера приходила ваша дочь, такая интересная, очень переживала за вас. Она просила передать, что у вашей супруги всё в порядке. Она после кардиологической клиники уже дома, восстанавливается, и с нею постоянно либо она сама, то есть, ваша дочь, либо ваша внучка. Вы не волнуйтесь так... Всё наладится.

Я нашёл силы, чтобы улыбнуться в ответ. От усталости глаза захлопнулись, и опять тяжёлыми тучами надо мной покатались страшные, давящие душу, воспоминания.

5

Помню, даже пребывая в сонной заторможенности, я чутко среагировал на твой слабый зов:

– Сашуль...

Вскочив в сумрачной комнате на ноги, я метнулся к тебе, проклиная себя за то, что заснул, расслабившись из-за длительной нервозности неоправданного бездействия:

– Болит, Людок?

– Да! – тихо подтвердила ты. – Очень! Не знаю, почему? Скулы сводит. Невыносимо, – жалобно шептала ты.

Я уже держал тонометр в готовности. Давление перевалило за все мыслимые пределы, потому нагнетать воздух в манжету приходилось настолько сильно, что это само по себе доставляло тебе боль. Но иначе прибор вообще не срабатывал. Я мучился рядом не менее тебя, непрерывно пребывая в отчаянном бессилии и будоражившем воображение неведении. Двести двадцать на сто! Частые выпадения ритма.

Я опять вызвал «Скорую» и умолял диспетчера приехать поскорее ввиду того, что всё у нас повторилось, а все предыдущие меры (да и в чем они состояли? В кучке таблеток?) оказались бесполезными. И мне опять твердили дежурное заклинание: «Ждите!»

Раньше я не понимал, насколько надежно обыкновенное слово способно прикрывать безответственность недобросовестных людей. Не понимал, как с его помощью нас всегда обрекали на мучения, а себя освобождали от необходимости хоть что-то делать! «Ждите!» И всё этим сказано! Ничего не делайте! Мучайтесь, страдайте, умирайте! Какое им дело! Они ведь вам сказали – ждите!

Это бесполезное для страждущих слово давало чинушам таинственное право никак не реагировать на нужды людей. Оно надёжно ограждало сухарей от любых претензий, от необходимости вникать в чужое горе, защищало от излияния возмущенного бессилия несчастных сограждан, попавших в опасные и непреодолимые для себя обстоятельства.

– Вам же сказали, молодой человек, ждите! – коронная фраза бюрократов любого рода деятельности и бездельников, обладающих над нами хотя бы мизерной административной властью! Такая фраза одновременно поднимает их в собственных глазах и демонстрирует их особое положение над нами. Уже за эту преступную отстраненность от чужих и вполне законных просьб, думал я тогда, их надо судить! А лучше бы вообще, дабы избавиться раз и навсегда от такого отношения к простым гражданам моей страны, приговаривать к расстрелу! Нечего им свои обязанности превращать в бесконечное издевательство над соотечественниками и распространять всюду липкую заразу безответственности!

«Если что-то с тобой... Пусть они пеняют на себя! – пронеслось в моей голове. – Кто что заслужил, то от меня и получит! Мне терять будет нечего!»

И всё же, как бы я не переживал, какие бури ни кипели бы во мне, готовые вырваться наружу разрушительным ураганом, мы с тобой продолжали покорно ждать. Ведь ты не имела достаточно сил даже приподняться, а я, то сидел рядом, то метался где угодно, не в силах смотреть на твои страдания, и, едва сдерживая себя. И всё же не выдерживал, срывался, рыдал в другой комнате от изматывающего бессилия. Затем опять измерял тебе давление, записывал его на всякий случай, рассчитывая, что это как-то поможет врачам, давал заведомо бесполезный нитроглицерин, валерьянку, чтобы уменьшить твои страхи, менял остывшие у ног грелки с водой.

Я был напуган возможностью неожиданных и самых страшных перемен в нашей жизни, о которых старался не допускать даже мыслей. Я не позволял себе думать о страшном, хотя

оно стояло рядом, буквально, за порогом и могло легко проникнуть к нам. Я не впускал в себя самые ужасные мысли, но они всё равно давили на меня, непосредственно не касаясь, лишь переплетаясь с моими непрекращающимися заботами о тебе, о тонометре, о телефоне, о грелке, о лекарствах, о какой-никакой еде (моя хроническая язва в самый неподходящий момент активно заиграла против меня свою подлую партию).

Я определенно считал, что не имею права в такой ситуации думать о себе – только о тебе! Всякое противное – есть предательство, на которое я, знаю это точно, не способен пойти даже под угрозой сожжения! Но что мне делать, если вся система нашего лицемерного здравоохранения построена таким образом, что до нормальных, не блатных людей, людей без связей, ей нет никакого дела. Системе нужны только деньги и деньги, и потому она для маскировки занимается некоторыми больными бесплатно. Да и то, якобы бесплатно, ибо, я полагаю, огромные деньги в этом случае высасываются не непосредственно из карманов граждан, а из бюджета, из страховых компаний, откуда угодно, но, в конечном счёте, хоть и длинным запутанным путём, всё равно из тех же карманов! Мне самому как-то приходилось в зубном кабинете подписывать обязательство, что я «ни в коем случае не стану предпринимать никаких усилий, для того, чтобы узнать, сколько денег будет перечислено поликлинике за мой зуб!» И какие же после этого у меня появятся выводы? Почему подробности лечения моего же зуба не только должны стать для меня тайной, но я не должен даже думать о том, что за этим может что-то скрываться? А это что-то, судя по всему, нечто весьма странное, что вряд ли приведёт меня в восторг!

Опять отвлёкся? Конечно! Передо мной по-прежнему стоял всё тот же вопрос: «Что делать, как спасти тебя?» Если бы я знал, то сделал бы невозможное, но я не знал! Оставалось ждать, хотя всё меньше верилось и в профессиональные возможности, и, тем более, в моральные качества этого чертового здравоохранения! На беду, я ничего не мог противопоставить этой жульнической системе, которая имеет название, не соответствующее ее основной деятельности – здравоохранение.

6

Второй экипаж «Скорой», приехавший далеко за полночь, словно сговорившись с первым, также через шесть часов без малого, проведенных задыхавшейся женой при невыносимом давлении, а мной, время от времени, то в трансе, то в ярости, состоял из двух медиков.

Главного из них, врача, крупного, уставшего, помятого на вид и немногословного, я распознал сразу, сообразив, что высокая тоненькая девушка, тащившая за ним блестящий медицинский чемодан, является его помощницей.

Заново повторились те же расспросы, опять делались записи в бланке, давление и кардиограмма, которую врач с бородой рассматривал, щурясь, протягивая сквозь пальцы длинную бумажную ленту, после чего что-то скомандовал девушке. Она быстро разобралась с «плохими» венами, вогнав тебе большой шприц какой-то розовой жидкости, и стала аккуратно собирать свои принадлежности в блестящий чемодан, готовясь нас покинуть.

– Значит так! – начал бородач, обращаясь в большей мере ко мне. – Давление больной мы сейчас нормализуем. Оно, конечно, великовато. Но на кардиограмме ничего опасного я не обнаружил. Завтра к вам придет участковый врач. Он откроет больничный лист и назначит лечение. По всей видимости, вы переволновались и повышенное давление наложилось на шейный остеохондроз, поскольку после нитроглицерина в течение минуты никакого облегчения не наступило. Это значит, и не наступит, поскольку он действует почти мгновенно или вообще не действует, что указывает на другие причины, но не на сердце. Всё это лечится. Оснований для паники нет. Чуть погодя, ещё поглядим на ваше давление... Так, так! Ну, вот уже сто сорок пять на девяносто семь. Пульс, правда, по-прежнему редковат – всего сорок пять! Брадикардия. Кардиограмму я вам оставляю, покажите её участковому.

– Доктор! – собралась ты с силами и тихо пожаловалась. – Почему шея болит, и скулы сводит от боли, когда давление повышается?

Бородач не проигнорировал жалобы, внимательно исследовал шею, горло и железы супруги и заключил:

– Это индивидуальные особенности организма. Видимо, продуло где-то... Или остеохондроз. Так бывает...

– Ну, какой остеохондроз? – не выдержал я его спокойствия. – Давление ведь зашкаливает! Никогда такого не случалось! И боли в груди такие, что даже челюсти сводит! Такого раньше у нас тоже не было! Причем здесь остеохондроз! Ведь давление...

– Не беспокойтесь! Теперь часто такое встречается. Жизнь, сами знаете, у всех нервная... Самолечение распространено... Ничего опасного для вашей супруги я не вижу. Ну, если вы настаиваете, мы её сейчас заберём...

В комнате стало тихо под давлением нависшей неопределённости. Я не знал, чего мне хотеть. Этот спокойный до отвращения врач говорил всё так, словно, госпитализация будет чрезмерной перестраховкой, а, учитывая ночное время, необходимость тепло одеваться в твоем немоющем состоянии – ведь уже наступила холодная осень – и долгий путь до больницы и, наверняка, очень долгое ожидание в приемном отделении, мне казалось более правильным оставаться дома. Да и давление снизилось почти до нормы. Появилась какая-то надежда на стабилизацию.

– А это не инфаркт? – уточнил я, первым произнеся страшное для нас слово.

– Нет! По кардиограмме я этого не вижу. Систолы, правда, несколько разыгрались...

– Не понял! Что? – уточнил я.

– Пропуски сердечных сокращений... Признак аритмии... Брадикардия! Но инфаркта я не наблюдаю. Банальный остеохондроз! Так какое решение вы принимаете?

– Я не знаю... Хуже бы не было, ведь дома мы беспомощны...

– Я бы ее госпитализировал, хотя веских показаний для этого нет. Но можно и не торопиться. Утром к вам зайдет участковый... Можно с ним посоветоваться, понаблюдать...

Растерянность мне обычно не свойственна, но теперь я никак не мог решиться на что-то определенное. В отчаянии я взглянул на тебя, и мне стало ясно, что надлежит делать.

– Не хочу! – жалобно шептала ты и плакала. – Не хочу...

– Ладно! Мы остаёмся! Но что нам делать, если давление опять подскочит? Сбить его нам не удаётся!

– Вот эти три таблетки я вам оставляю. Если повысился до ста восьмидесяти-двухсот, примите их по одной в течение получаса. Этого хватит на несколько часов.

Вторая бригада честно отсидела у нас около часа. Я тогда еще подумал, что плана на количество вызовов у них, стало быть, нет, если не торопятся, отсиживают. Но хорошо ли это или плохо, я не знал! Пожалуй, медикам это на руку, а нам важнее, чтобы врачи были толковыми и добросовестными. В данном же случае, сдаётся мне, не всё выходит по-нашему.

Ты задремала на высоко приподнятой подушке, а я прилег рядом со своими мозгами, полными страхов, сомнений и несозревших окончательно решений. И хотя спать мне хотелось, буквально, до боли, но заснуть не получалось, так как мутило, видимо, от тяжёлых ощущений в желудке.

Я ещё долго ворочался, стараясь не потревожить тебя, периодически стонавшую, часто болезненно похрапывающую, беспокойную.

Смотреть на часы не хотелось, поскольку я знал по опыту, что после этого за временем придется следить уже до самого утра, постоянно пытаюсь заснуть и понимая, что из этого ничего не выйдет. Понимая также, что за меня всерьез взялась изнуряющая бессонница.

Совсем скоро ты, не шевелясь, позвала:

– Сашуль! Ты здесь? Пить...

– Сейчас, сейчас, Людок! Не волнуйся.

Я сходил за водой, слегка подогрев ее в микроволновке. Ты сделала пару глотков. Слезы блестели на твоих щеках.

– Мне страшно... Я умру... А ты без меня ни с чем не справишься...

– Малыш мой! Не болтай глупости! У тебя всё пройдет! – я боялся при тебе зарыдать.

– Нет! У меня опять болит здесь! – ты с усилием поднесла руки к горлу. – Челюсти сводит... Давление опять...

Я схватил тонометр, быстро приладил его к твоей руке и, накачивая манжету, всё ждал, когда же он пропищит, показав, что уже достаточно. Но качать пришлось далеко за двести, значит, опять зашкаливает. Я поглядел на часы – четыре двадцать. За окном темень. В ход пошли оставленные нам таблетки.

7

– Дедуля! Дедуля! – услышал я сквозь болезненную дремоту родной, всегда певучий голосок, почти шёпот, и ощутил прикосновение теплых губ к моей колючей щеке. – Ты же не спишь? Нет? Покажи как-нибудь, что слышишь меня...

Я встрепнулся от неожиданности, и хотел сказать внучке, что бесконечно рад ей, но пересохшие губы и язык лишь предательски что-то просипели.

– Как же ты всех нас напугал, дед! – торопливо шептала внучка, вытирая слезы, которые текли у неё ручьём. В знак протеста против этих слез, я поморщился и замотал головой.

– Всё-всё! Больше не буду! – пообещала мне Настенька.

Смотреть на неё было приятно и радостно. Наконец-то рядом родная душа, бесконечно милый сердцу человек.

– Как бабушка? – едва получилось у меня пересохшим ртом. – И пить!

– Сейчас-сейчас! Вот, пей из своего стакана! Надеюсь, здесь не цианид!

– Как ты сюда пробралась, ведь карантин? – удивился я.

– Да как? Состроила глазки одному, да другому, они и не устояли! – засмеялась Настенька.

– Я бы тоже не устоял!

– Ну, дедуль! Теперь мне понятно, почему тебя бабушка сильнее всех нас любит! А меня только на минутку и пустили. За бабулю ты не волнуйся! Она – молодец! Мы ее уже забрали из кардиологии. Мама ей электронный шагомер купила, так она, знаешь сам, какая дисциплинированная, теперь по комнатам марширует, его накручивает, показания считывает и собой гордится! Давление так высоко уже не поднимается. Слабая только... Быстро устает, часто засыпает... Я принесла тебе тут кое-что... Нескоропортящееся... Не волнуйся. Яблоки и всякие печенья... Что ещё надо? Почитать? Хорошо, принесу! А телефон категорически не разрешают. Даже не понимаю, почему на него так взъелись. Ты уж потерпи! Хочешь, я тебе маленький-маленький проигрыватель принесу? В ухо вставишь, и все «звезды» твои!

– Кто-кто?

– Ой, дедуль! Знаю, что ты их червяками называешь! Но так говорят! Ты ведь любишь...

– Ты о чём? – поморщился я.

– Извини, вырвалось! Не любишь, а нравятся! Тебе же нравятся Анна Герман, Валерий Ободзинский, Валентина Толкунова, Буба Кикабидзе...

– Вот и опять у тебя вырвалось? Ты же знаешь, мне нравятся не они, а как они поют! Улавливаешь отличия?

– Ты опять, дедуль, к словам цепляешься! Ведь прекрасно меня понимаешь!

– Каждое слово что-то означает, и путать не надо – ни смысл, ни слова! А то однажды вообще перестанем друг друга понимать, произнося одно, а понимая, совсем другое.

– Так ты не ответил, принести тебе проигрыватель?

– Не надо, Настенька! Деликатесы особенно быстро приедаются. Оставь мне их на потом. Лучше я сам с собой поговорю! Уже давно заметил, чем дольше живу, тем мне интереснее с самим собой разговаривать!

– Но это, как раз, понятно! Почему же с хорошим человеком не поговорить! – поддержала меня своим смехом внучка. – Ну, я пошла? А то неудобно – обещала ведь недолго! И сколько же у тебя проводов всяких накручено! Даже завидно! И всё для того, чтобы не сбежал? Да? Так я передам всем нашим, что ты уже молодец? Ты же молодец?

Настенька ласково потерлась о мою руку щекой, поцеловала ее и, пятясь к двери, помачала мне свободной от сумки рукой, и беззвучно скрылась.

8

Опять в палате наступила неестественная тишина, располагающая лишь ко сну, да к тяжёлым воспоминаниям. И они немедленно навалились, хотя я бы предпочел оставаться в одиночестве.

Итак! До шести вечера, то есть, практически весь день, мы с тобой боролись с высочайшим давлением и болями, каждую минуту ожидая спасительного прихода участкового врача. Как нам это удавалось – разговор особый и бесконечно долгий, почти как эти десять изматывающих часов, в течение которых мы ждали, надеясь на появление чуда при каждом буханье на лестничной площадке лифтовой двери, отчётливо слышимой даже днем.

Участковым врачом оказалась милостивая торопливая женщина, похожая на Дюймовочку. Поражала стремительность, с которой она расспрашивала нас об истории болезни, выписывала больничный лист, давала советы увеличить вдвое дозу нитроглицерина, опирающиеся на опыт её бабушки, дожившей якобы до девяноста трех лет. Покончив с этим минут за семь, она улетучилась настолько молниеносно, что мы поняли – впереди нас без реальной врачебной помощи ждёт вторая ночь, еще ужаснее и опаснее.

Но удерживать Дюймовочку и задавать ей вопросы по существу мне казалось крайне бесполезным. Вся ее точеная фигурка (лица я и не припомню, будто его и не было) излучала единственное стремление – поскорее от нас умчаться. Какие уж вопросы в вечернее время, если где-то ее ждали брошенные на произвол, может, даже проблемные дети и супруг на диване, наверняка дергающийся перед телевизором в такт выкрикам футбольного комментатора.

Думаю, Дюймовочка, судя по оставленному ею в квартире запаху, прежде чем упорхнуть, выкурила за нашей дверью сигарету, точно так же, как сделала это до прихода к нам. «Странное дело! – подумалось мне. – Если врачи, постоянно твердя нам о вреде курения, его не бросают, доверяют ли они сами себе и своим, чаще всего, весьма посредственным познаниям в области медицины? Именно потому, что не понимают и не доверяют, сдаётся мне, медицина для них любимым делом так и не стала! И никогда не станет! Она всего-то профессия, как и любая другая, дающая право где-то пристроиться! И как при подобных обстоятельствах мы вынуждены им верить? Я имею в виду даже не вред от курения (в этом мы, слава богу, и без их помощи способны разобраться), а лишь целесообразность и благоразумие обращения за помощью именно к ним!»

Ну, не могу я об этом ужасном курении молчать! Детей бы хоть не губили, дуры! Не занимаюсь делами, которыми по праву можно гордиться, которые возвышают людей в собственных глазах, делают более значительными и уважаемыми, они находят для самовыражения самые компрометирующие их занятия!

Ну, почему наше население столь стремительно деревенеет? Почему оно бездумно копирует всё подряд? Попадает из одного капкана в другой капкан и ничуть не набирается ни ума, ни опыта! Лишь повторяет то, что кто-то из знакомых им рекомендовал, как нечто модное! Но наступит ли хоть когда-то мода на полноценные самостоятельные мозги?

Абсолютно такая же глупость просматривается в моде современных болванчиков на татуировки, на тренажерные залы, на пристрастие к религии, на похудение, на косметическое «омолаживание», на самые современные айфоны-телефоны. И каждый из них, убеждая себя в том, что он исключительный индивид, находит немало аргументов в пользу того, что занят исключительно важным и полезным делом, к тому же, «проверенным опытом миллионов», что якобы подтверждает правильность выбранного пути. Но этих людишек, как теперь говорят, зомбируют, а сами они не только этому не противодействуют, но и плывут по течению в общем потоке, чем помогают превращать себя в стандартизированных членов некоего человекообраз-

ного стада! Они не умеют мыслить самостоятельно, но им кажется, всё иначе. Они уверены, что идут правильным путём, поскольку этим же путём рядом с ними идут почти все!

Жаль мне их! Но одновременно жаль и всех нас, думающих самостоятельно и поступающих независимо, ибо нас мало, а этих стадных *модняшек* – миллионы! И они нас потопят, не утруждая себя. С собою заодно! И тем самым перекроют человечеству возможность развиваться как некой большой и разумной системе, судьба которой напрямую связана с её интеллектуальными возможностями!

Хорошо ещё, хоть сын впитал моё воспитание по части абсолютного неприятия курения, как занятия бессмысленного, вредного и, вдобавок, гадкого. С дочерью получилось иначе – она мнит себя самостоятельной, не включая собственные мозги, потому в своей жизни дров уже наломала. А самостоятельности, как не было, так и нет!

Сын однажды целую историю мне поведал, сразу предупредив, чтобы я случайно не болтался его жене Наташке. Он ещё в институте приметил мелькавшую иногда перед глазами студенточку, но с другого факультета. Потому встречал ее совсем редко; проскочит, бывало, она мимо, да еще с какими-то парнями со своего факультета или с целой армадой подруг. Как тут вырвешь ее из привычной толпы, даже с серьезными намерениями? Но однажды удалось!

Честно тебе говорю, батя, сознался сын, приблизился я к ней, и сразу на все мои фазы – триста восемьдесят! Не дай бог, повторяю, ты Наташке проговоришься! Я тогда просто оторпел, глядя на нее. Вот она, думаю, моя судьба, ниспосланная свыше. И, что было важно для меня, со стороны девушки я тоже к себе интерес заметил. Ну, дальше как бывает, пригласил ее в воскресенье в городской парк, а потом в кино. И, знаешь, даже вовремя пришла! Пунктуальная! И всё начиналось у нас очень даже занятно. Вот только в парке (я и не предполагал такого поворота событий, засмеялся сын, рассказывая мне это), она вдруг в сумочке покопошилась и закурила! И, знаешь? Всё! У меня по телу ток уже другой полярности проскочил! Буквально за секунду моё особенное отношение к ней, еще, по большому счету, и не закрепившееся, рассыпалось на осколки, которые и собирать не хотелось. Вот, веришь, смотрю на нее новыми глазами – красавица, и не только лицом и фигурой, а каждым своим жестом, но душа моя ее больше не принимает! Как фальшивка какая-то, что ли? И вроде бы, пустяк! Сказал бы мне кто о себе такое, я бы еще и не поверил! Мало ли их курит? Противно, но не главное же! А я почувствовал тогда сильнейшим образом, и не осталось у меня никаких сомнений, что не смогу и не хочу на нее курящую больше смотреть! Весь ореол, который я над ней в своих мечтах возвёл, растворился в вонючем сигаретном дыму. Вот и всё! Конечно, погуляли мы тогда немного, раз уж пригласил. Дело чести, как говорится! Конечно, я и виду не подал, и в кино сходили, и проводил я ее до дома, как водится, но встреч потом уже не искал. А когда через неделю она меня в коридоре сама остановила, поинтересовалась, то ли с обидой, то ли с иронией: «Ты, видимо, очень занят? Я в прошлый раз и не спросила, ты не на золотую медаль, случайно, тянешь?» Ну, я и брякнул, что первое в голову пришло: «Нет! От медали я еще на первом курсе отказался, когда курить попробовал!» На том и разошлись окончательно.

– Так она даже о причинах твоего реверса не узнала? – спросил я сына.

– Не от меня же ей узнавать! Пусть сама думает! Еще не хватало мне стать ее душеприказчиком!

– Дело прошлое, конечно, но, может, теперь жалеешь? Может, следовало ее в нужном направлении слегка... Глядишь, спас бы заблудшую душу! Вдруг тебе бы и зачлось! – посмеялся я.

– Нет, батя! Может, я и прямолинеен как строевой лес: ведь понравилась она мне до нервной дрожи, но курящих женщин для меня уже тогда не существовало, поскольку в моём представлении это нечто иное! Органически отталкивающее! Не смогу привыкнуть к помойке изо рта! И ко всему, с этим связанному! Допустим, стал бы я ее на путь истинный наставлять,

как ты советуешь, уж не знаю, как бы она на мои нравоучения среагировала, но главное-то во мне! Привязался бы я к ней всей душой; потом даже в случае неудачи уйти бы не смог, считал бы себя обязанным... Не жизнь, а каторга! Знаешь, я ведь жену себе на всю жизнь искал, а не яркую особу с манерами проститутки!

– Если курит, то сразу...

– Может, и не сразу! Так потом! Это же мировоззрение! Знаешь, сидели такие дивчины в наше время по ресторанам. Возможно, они прекрасны на все сто, но обстоятельства распоганые жизнь испортили! Допускаю! Но сидели они, глазками в стороны стреляли и ждали, кто их подцепит. А чтобы чем-то себя занять, вилочкой в салатике время от времени ковыряли, да сигаретками закусывали! В те годы, сам помнишь, конечно, ох, как трудно всем в стране жилось... Не до шика! А проститутки сплошь в джинсе да в импорте... Вот нормальные девчонки с тем недоразвитым и некритичным мировоззрением им и завидовали до душевной или зубной боли и, разумеется, все их манеры на себя примеряли, дурочки! И как бы я их всех тогда перевоспитывал? Для этого страна должна быть нормальной! И окружение не должно быть гнилым! Сам ведь знаешь, нормальной считается лишь та страна, в которой люди все нормальные! Нет, батя, я в себе призвания на перевоспитание не замечал! Жалко их, дурочек, жалко их детей, но настолько противно мне их грязное дыхание, что я счастья, связанного с ними, сторонюсь, как чёрт ладана.

– Ладно! Я с тобой почти согласен! А всё-таки, как насчет выбора жены? Внешне-то всё у вас хорошо, но вы ведь так далеко от нас забрались, чуть не на край света, что мы вас не видим, ничего толком о вас и не знаем. Я-то понимаю, в семейной жизни приходится всякое, и переживать, и преодолевать, но мать всё сомневается, всё волнуется за вас. Как вы там, если без прикрас?

– Из тебя, батя, контрразведчик никакой! Только мне и сказать-то, в общем, нечего! Даже под пытками! Потому что у нас с Наташкой всё как надо! И не волнуйтесь с мамой за нас. И тем более ни в чем Наташку не подозревайте. Если уж о ком говорить, так, скорее, обо мне! Это мне, как оказалось, далеко до семейного идеала, а Наташка моя – молодец. Она будто рождена женой войскового офицера! Жалоб от нее на трудности не услышишь, усталости, словно, вообще не знает, меня никогда не упрекнёт даже в том, в чём следовало бы... А уж о сигаретах или других выпендрёжах и говорить нелепо! Молодец! Таким как она, памятники при жизни надо возводить, да мне всё некогда!

Вот и вся история!

9

«Что только ни застревает в моих мозгах?» – подумалось мне в тот миг, когда медсестра принялась возиться с контрольной аппаратурой у противоположной стены. Обнаружив мой интерес, почему-то ей мешающий, она продолжила своё дело, резко задвинув занавеску, потому всё последующее я воспринимал лишь на слух.

Шумно вкатили разболтанную каталку с жесткими носилками, шумно перегрузили кого-то на кровать. Постепенно в палате накопилось немало медиков, каждый из которых в какой-то степени участвовал в начавшемся шумном процессе реанимации новой больной. То, что в моей палате оказалась женщина, я понял по командам и комментариям, когда кто-то стал возмущаться, зачем ее определили в мужскую палату? На что Владимир Александрович ехидно заметил:

– Любовь Петровна, если вас при всей тяжести состояния моей пациентки смущают вопросы ее целомудрия, то смею вас заверить, здесь на него покуситься никто не сможет! Не тот у нас контингент! А другого места просто нет! Давайте, коллеги, лучше высказываться по существу...

Напряженная работа врачей, мешавшая моим воспоминаниям и чуткому сну, продолжалась неизвестно, как долго, но постепенно ее интенсивность обнулилась, все разошлись, и, в конце концов, опять образовалась тяжелая тишина.

Спустя какое-то время тишину разрушил скрип той же разболтанной каталки с носилками, потом что-то тяжело на нее загрузили и выкатили из палаты. Явилась санитарка, тихо ворчавшая себе под нос. Она, видимо, что-то долго убирала, вытирала, перестилала, и опять наступила тишина.

В одиночестве я пребывал недолго. Появившийся Владимир Александрович шумно сдвинул занавеску в сторону и с показной энергией занялся мной:

– Ну и как вам тут ложится, голубчик? – произнес он, наблюдая перед собой показания «Сименса», висевшего у меня в изголовье, но, не замечая меня. – Ну, и прекрасненько! Прекрасненько мы тут лежим! Сердечко у нас в порядке, давление, хоть в космонавты! А как голова? Кружится? Нет? Чудненько! Чудненько! Так какие остались жалобы, голубчик? – он, наконец, взглянул на меня, поводит рукой перед моим лицом, в стороны и вверх-вниз, следя за моим взглядом, остался доволен и заключил. – Всё у нас замечательно! Сегодня или завтра мы вас переведем в неврологию! Там вас ещё чуток подлечат, а через неделю вы о нас и думать забудете! Исключительно для порядка должен сообщить, что мы у вас пункцию брали. Сразу, как вы у нас оказались. Это та самая процедура, которую больные и их родственники встречают в штыки, но у нас иного выхода не было, поскольку лечение инсульта зависит от того, появилась ли кровь в спинном мозге, или обошлось. В обоих случаях лечение требуется разное. У вас оказался второй вариант, потому инсульт считается ишемическим. Но это так, для информации! Вам же теперь надлежит расписаться, что вы сами на эту процедуру согласились! Вот так уж получилось! Всё наоборот! Так вы согласны или придется всё переиграть? – усмехнулся Владимир Александрович.

«Вот я и справился! – торжествовал я, не очень слушая врача. – Какое мне дело до того, что уже в прошлом! Важно, что теперь он считает меня почти здоровым, а ведь раньше и надежды ни у кого насчет меня не было!»

Благословив процедуру моего перевода из отделения интенсивной терапии и реанимации, Владимир Александрович вышел из палаты, но следом явилась медсестра, принявшаяся молча готовить меня к переезду.

Видимо, от меня желали избавиться поскорее, но я продолжал радоваться, что всё так скоро закончилось, что скоро я увижу тебя, возобновлю работу со студентами, которые, конечно же, ждут меня, чтобы что-то пересдать, что-то досдать или отчитаться. В общем, обычная студенческая рутина, в которой я давно и с удовольствием существовал!

А дальше случилось непредвиденное никем. Когда медсестра, старательно готовя меня к переводу в неврологическое отделение, отключила дозатор, крохотными порциями постоянно вливавший в вену дофамин, я взревел от дикой боли, выгнувшей меня в пояснице. Заодно что-то невыносимо острое врезалось в грудь, началось удушье; тревожным верещанием отозвался сбесившийся «Сименс», зафиксировав стремительное угасание сердечной деятельности. Но мне тогда только и запомнилось, как испугавшаяся медсестра метнулась из палаты за помощью врачей...

В одно мгновение промелькнуло сожаление, что столь желательная выписка, почти наяву замаячившая впереди, неопределенным образом откладывается. Моя радость оказалась преждевременной. И это была последняя запомнившееся мне мысль.

Но в то время ещё никто не мог предполагать, насколько интересным с медицинской точки зрения окажется мой случай, поскольку никто из врачей до последнего дня лечения (о нём – впереди) не знал, что со мной делать и от чего лечить?

Только меня потом и это не удивляло, ведь врачи со мной с детства мучились, сомневаясь в любых диагнозах моих необычайно странных болезней. Видимо, всё у меня, не так как у всех! Вот и теперь – давление самостоятельно никак не держалось. Потому от дозатора меня решили не отключать. Но что делать дальше, никто из врачей не знал.

10

– Вот и чудненько! – донеслось до меня с небес. – Удивили вы нас, дорогуша! Куда это вы отправились без разрешения? Пришлось вам опять дофамин вкачивать! – Владимир Александрович принялся водить рукой перед моим лицом. – Вы меня видите? Отзовитесь, ну! Видите? Видите?

В ответ я смог лишь моргнуть, испугавшись чего-то непонятного, вместо того, чтобы обрадоваться очередному воскрешению, о котором пока ничего не знал и не понимал.

– Вот что, дружок! Скажите-ка нам, будьте так любезны, что это вы перед убытием устроили? Не хотите нас покидать? Говорят, вы большой ученый! Потому, видно, и нам который раз задаёте столь большие загадки!

Владимир Александрович заметил, что я недовольно поморщился от его слов, и принялся оправдываться:

– Вы же профессор... из нашего университета. Я как узнал здесь вашу фамилию, так сразу и вспомнил. Неужели, думаю, тот самый? Не поверите, как давно я вас знаю! Меня, еще студента медфака, дружок с мехфака силой затащил на вашу лекцию, буквально заразив своим восторгом: «Пойдем, не пожалеешь! У вас таких нет! Очень интересно, содержательно и методика потрясающая – смотри и учись! И отношения с нами, студентами, прямо как с полноценными людьми!» – Владимир Александрович засмеялся. – Это он шутил так, конечно! Но хорошая молва о вас в годы моей учёбы далеко разошлась. Конечно, преподавателей хороших у нас было немало, это он тоже пошутил, но чтобы вспоминать о них через годы и без повода... Такого не каждый достаивался. Потому не ищите в моих словах иронию! – закончил он со мной и переключился на реанимационную сестру, обстоятельно давая ей указания.

«Не скрою, приятно такое слышать! Иногда. Хотя я к подобному вниманию давно привык. Зайдем, иной раз, с женой в какой-то магазин или автобус, а на меня с интересом поглядывают исподтишка, часто здороваются, причем, с большим почтением. Супруга и удивлялась, откуда у меня столько знакомых, хотя сама знала, что я молодежью постоянно окружен. Студенты, студенты... Одни из них часто бывают рядом, поскольку еще учатся, другие – уже выпускники прошлых лет – встречаются реже. Их уважение особенно приятно, ведь они кое-что в жизни успели познать, кроме вузовских стен, сами опытом умудренные, но при всём этом и меня не забыли! Стало быть, полезен им я чем-то до сих пор. Уважение, оно любого человека окрыляет, только работаю-то я не ради него, а чтобы самому себя уважать. Да и работа моя мне не в тягость, а всегда по душе! Сколько людей на земле несчастны лишь от того, что вынуждены работать без интереса к своему делу? А ведь работой можно упиваться. Не скрою, бывают проблемы, случаются и неприятные конфликты, иной раз совсем заканчивается терпение и тогда, словно вирус в каждую клеточку проникает и одолевает уже изнутри отупляющая рутина, свойственная нашей профессии, но почти любое занятие со студентами для меня, если уж не праздник, так подлинное удовольствие. Приятно, видеть, как их поднимает! Многих вообще удается зажечь своей дисциплиной «Физика природных катастроф», хотя, вижу, тянутся они ко мне в связи совсем с другими темами, обсуждаемыми с ними, так сказать, факультативно. Но и это не обидно. Выходит, им интересно знать, что именно я, а не кто-то другой, думаю о том, да о сём.

Пока я витал в тумане ещё мутного своего сознания, повторно зашел Владимир Александрович, поглядел на показания «Сименса», выдававшего моё давление, пульс, температуру и еще бог знает что, немного помолчал и как-то по-новому, не как лечащий врач, поведал мне кое-что, хотя я с его приходом прикрыл глаза, будто сплю.

– Дела такие... Для информации... Полагаю, что «Сименс» не обманывает меня, что вы сейчас бодрствуете! Знаете, мы накануне с вашей соседкой разбирались, а тут и вы второй

раз с клинической смертью стали заигрывать! Это я про те загадки, о которых давеча упоминал. Я еще подумал: «Не порядок! Но вытащить его надо!» И очень рад, что всё нам удалось! Но теперь посвящу вас в тайну, которую больным редко удаётся узнать. По вполне понятным причинам: они просто умирают. Когда вы к нам попали, четыре дня назад, я еще в приемном увидел – вы обречены! Но вы каким-то чудом справились. И это действительно чудо! Мы уже намерились перевести вас в число выздоравливающих, и вдруг такое! Опять острое ухудшение! Мастер вы, однако, на подобные сюрпризы! Но больше их не надо! Мне кажется, будто я не знаю о вас чего-то очень важного... Для лечения, разумеется. Может, вы мне расскажете что-то такое, не отраженное в истории болезни. Ну, не знаю даже... Может, какое-либо облучение, или аллергия неведомая, возможно, интеграция некоторых лекарственных средств... Что скажете? Молчите? Ну, что ж, если захотите что-то просветить, милости прошу! А теперь набирайтесь сил, как все, то есть, без сюрпризов!

«Вот оно что? – догадался я. – Стало быть, мой шлагбаум за эти дни дважды чуть не закрылся перед самым носом! Ничего себе! Умер бы, так и не заметив этого! Обидно, знаете ли, так жизнь завершать! Но почему это случилось во второй раз, если я уверенно шел на поправку, как мне говорили? Что именно едва не спихнуло меня в ту чертову пропасть? Если не разберусь, то всё может повториться! Не хотелось бы!»

Мне повезло, что мои странности волновали не только меня. Действительно, в моей палате, галдя, опять собрались люди в белых халатах. Наконец, Владимир Александрович, взяв слово и поблагодарив их за стремление оказать ему помощь, посвятил их в историю моей болезни. Он честно признал, что случай не совсем ординарный, в литературе он не описан, а объективная реакция больного на отказ от дофамина не вписывается в наработанную медицинскую практику. «Иначе говоря, – сообразил я, – сейчас он признался в том, что не знает, от чего и как меня лечить! И что вообще со мной делать, если не отключать дозатор? Милое дело!»

Обсуждая эту тему, медики поначалу спокойно, затем несколько возбужденно выслушивали друг друга, не соглашались, предлагали каждый своё, негромко шумели, задавали глубокомысленные вопросы, выходили вон из палаты и опять собирались у моей кровати. Наконец, они к чему-то пришли, после чего Владимир Александрович всех поблагодарил за помощь.

Халаты сразу утратили ко мне интерес и, всё ещё обсуждая между собой что-то, далекое от медицины, разошлись. Тогда медсестра еще какое-то время повозилась с моей «системой» и дозатором, который был обязан работать непрерывно и без каких-либо перебоев, и тихо удалилась.

Опять я оказался предоставлен своим невеселым мыслям и воспоминаниям, на которые, казалось, был устойчиво ориентирован, иным почти не интересуясь. Но думать мне следовало о другом (этого я пока не знал), ибо нечто интересное для меня всё-таки уже произошло. А именно: я оказался надолго, очень надолго зависимым от этого жужжащего ящичка, непрерывно вдавливающего в мою кровь пресловутый дофамин. И стоило этому работяге остановиться хоть на секунду, как меня выгибало в пояснице и, как говорится, далее всё по списку, вплоть до остановки сердца... Стало быть, перевод в неврологию, о котором мне недавно объявили, отложен. Знать бы, насколько? Но этого, похоже, не только никто не знал, но и не намеривался по этому поводу переживать. Нет, так нет! И порешили мой дозатор не отключать, раз уж я без него погибаю. А до каких пор так будет, пока и думать не хотят!

Казалось бы, ну и что? Больной человек! Мало ли что с ним случается? Вылечат! Однако же, на мою беду, такой реакции ни у кого никогда не наблюдалось, и приставленная ко мне медицина терялась в догадках, напрягалась, искренне пытаясь покончить с ненужными ей заморочками, но не знала способа, как это сделать! И потому прошедший на моих глазах кон-

силиум дружно постановил ничего пока не решать: пусть больной полежит; пусть он приспособится, может, окрепнет, а уж потом и поглядим!

«Так я и лежал сутки напролет, почти как мумия! Того и гляди, сходство между нами станет усиливаться! – вполне обоснованно тревожился я. – Лежать надоело до невозможности, спина затекала, голова нестерпимо болела от соприкосновения с подушкой, казавшейся придорожным булыганом, мышцы слабели, кишечник дурил. Лежать приходилось днем и ночью! Без как-нибудь обозначенного срока! Наедине со своими воспоминаниями и туманными перспективами: поднимусь ли вообще? И хотя духом я не падал и был уверен, что немощь моя временна, иначе и быть не может, но и причин для радости не находил, что, конечно же, подрубало меня психологически! В конце концов, надеяться и верить можно сколько угодно и во что угодно, но грош этому цена в столь безнадежных случаях, как мой! И как его назвать иначе, если врачи ничего в моей болезни не понимают! Если лишь чуда откуда-то ждут, как и я!»

Спасибо, хоть Владимир Александрович вовремя подсказал полезное развлечение:

– Для вас сейчас задача номер «раз»: научиться держать давление без наших специфических причиндалов! А задача номер «два», если уж нет возможности встать, и вынуждены постоянно лежать, чаще делать всякие физические упражнения: двигаться, выгибаться, вертеться, глубоко вдыхать и сильно выдыхать. Неважно даже, что делать и как, важно лишь не допустить застоя в легких. Их воспаление в вашей ситуации есть не только самое опасное, что случается с долго лежащими больными, но и самое распространенное! Так что, вы уж постарайтесь для своего блага, если собираетесь покинуть нас своим ходом!

Вот я и работал. Работал системно, работал с удовольствием, поскольку в мою жизнь такие упражнения вносили существенное разнообразие и помогали коротать время.

Удивительное дело! – посмеивался я над собой. – Мечтаю выздороветь, чтобы не растрачивать свою жизнь попусту на пребывание в этой больнице, но вынужден эту самую жизнь бесполезно прожигать, чтобы как-то не сойти здесь с ума от вынужденного безделья, и делать всё возможное, лишь бы то самое драгоценное время моей жизни утекало поскорее. Парадокс!

Правда, некоторое разнообразие, развлекающее меня, исходило от соседей. Но они, большей частью, мимо меня проходили по касательной: появлялись и на следующий день исчезали, так и не обмолвившись со мной ни единым словом. Но я без претензий, ведь многие говорить были не в состоянии.

На их фоне в этой чертовой реанимации я много дней ощущал себя абсолютным симулянтом, без нужды занимавшим столь важное для чьего-то спасения место. Я давно всё ясно видел и слышал, моя голова давно не кружилась, и вокруг нее ничего не вертелось. Я лежал здесь трутнем, не прибавляя себе здоровья, нелепо шевелился, называя это физзарядкой, думал, о чём попало, ел, что дают, вспоминал тебя и нашу молодость, спал сколько угодно, а в последнее время даже кое-что записывал оставшейся в целости левой рукой. И наловчился делать это замечательно. Интересно, графологи, почерковеды или как их правильно называть, сумели бы по моим правым и левым письменам определить, что те написаны одним человеком?

Мне всё чаще казалось, будто я достаточно здоров для того, чтобы покинуть бесконечно надоевшую реанимационную палату. Но стоило остановить дозатор для замены флакона, как меня опять приходилось спасать. О своих ощущениях в эти минуты я и не говорю – ничего приятного я не испытывал, кроме боли, паники и страха, что кто-то из сестричек своевременно не справится с ситуацией или что-то у них сломается, и тогда срывы моего давления, ставшие для всех почти привычными, вообще прекратятся. И хотя до сих пор всё заканчивалось удачно, к чему я тоже привык, бесосновательно утратив и должный страх, и осторожность, но всегда ли будет именно так?

11

Помню, следующая для нас с тобой ночь тянулась мучительнее, нежели предыдущие. Твоё давление почти не реагировало на лекарства, постоянно зашкаливая за двести, сердце временами бухало, затем замирало, делая долгие и опасные пропуски. Дышать тебе становилось всё труднее, особенно, на выдохе. Опять ломила нижняя челюсть, очень болело в груди или в спине. И на все мои призывы и мучения не было никаких ответов!

«Хорошо еще! – теперь подытоживал я. – Почти все ужасы той ночи для меня как-то слиплись в единый комок непрерывного кошмара. От него я тогда едва не терял самообладание, действуя скорее автоматически, нежели осмысленно: что-то подавал тебе, измерял давление, непрерывно поглаживая руку, успокаивал, что всё у нас скоро, очень скоро станет опять хорошо... Хорошо, что многое забылось».

Но я уже знал, что ожидание хороших перемен не имело для нас ни малейшего смысла. Я это хорошо понимал, так же как и то, что умираем мы в большом городе, а не на предалекой полярной станции или космической орбите, куда помощь не в состоянии прийти по техническим причинам! Мы же пожинали равнодушие пусть не тех медиков-неумех, которые приезжали или не приезжали к нам на вызов, а всей чудовищно аморальной системы, называемой по старинке здравоохранением. Теперь более логично называть ее здравоохранением! И хоронит оно наших сограждан, между прочим, многими тысячами. Хоронит не старых людей, попавших в беду, большей частью, по милости других лицемерных систем античеловечной государственной машины, всюду действующих на погибель нашего народа! Тут уместно вспомнить и разрушенное образование, и уничтоженную под корень гигантскую и многофункциональную промышленность, и сельское хозяйство, и социальное обеспечение, ставшее теперь преступным фарсом. Я уже не говорю обо всех современных банках, биржах, закрытых, открытых и недобитых воровских обществах, таможнях, судах, полициях и о прочем.

Мне и тебе повезло сравнительно долго оставаться в стороне от этой грязи, но мы всё равно не могли ее избежать. И вот итог, как только постучалась первая беда, в которой мы были вправе ожидать участия государства, сразу ощутили абсолютную свою незащищенность и оказались на краю гибели!

В общем-то, именно так всё в стране и задумано, так и организовано! А мы, как и все, хотели того или нет, но когда-то попались в сети этой огромнейшей преступной системы, мало, что понимая из происходившего с нами, поскольку не были готовы к столь очевидному лицемерию со стороны нынешней власти.

Интересно, что многие люди, как будто и не причастные к античеловечным замыслам преступной всеохватывающей системы, тем не менее, служат ей, помогают ей, укрепляют ее, например, те же медики. И, конечно, ревностно выполняют все требования этой мизантропской системы, тем самым, выступая против своего народа ради собственной сиюминутной корысти, ради своего выживания или своего обогащения. Потому и их, этих пособников, я не стал бы жаловать потом, когда дело дойдет до праведного суда. Помню, так же после войны поступили с власовцами и прочими прислужниками фашистов. А почему должно быть иначе теперь? Почему в отношении тех, кто предавал и уничтожал наш народ, мы должны проявлять великодушие? Ни за что! Ведь, какими бы приятными не казались в общении или в быту некоторые пособники врага, из-за них теперь вымирают очень и очень многие люди, заведомо более достойные, чем эти оборотни!

«И кем же укомплектована нынешняя служба «Скорой помощи», если три ее экипажа оказались не в состоянии диагностировать банальный инфаркт миокарда при самых типичных

его проявлениях? – никак не доходило до меня. – Видимо, набирают туда, кого попало, кто изъявит желание поиздеваться над больными соотечественниками! Или же им сверху какие-то секретные задачи ставятся, утаиваемые от населения? Ведь не случайно же именно с такими распрекрасными медиками-специалистами наша страна достигла абсолютного первенства в вымирании населения! Мы уже оставили далеко позади себя даже вечно проблемную в этом смысле Африку! Мы уверенно лидируем! И при этом нас уверяют, будто население РФ растет невиданными темпами! Разве эта ложь не есть свидетельство того, что нам нагло врут во всем, от чего зависит выживание народа, затрудняя это выживание?»

12

Воспоминания преследовали меня, навязывая всякий раз одну и ту же тему. Я и рад был бы подумать о чем-то ином, но не получалось. Память навязчиво высвечивала только нашу последнюю беду в ее долгом и страшном развитии.

Тогда утром, что весьма нехарактерно, а потому и неожиданно, к нам явился участковый врач, вызванный вторым экипажем «Скорой». Обычно участковый приходит после обеда или даже вечером, хотя больным, если уж вызвали, нужен он всегда немедленно. Кое-что нас всё-таки обрадовало: пришедшим врачом оказалась не та, проверенная ранее на профпригодность, Дюймовочка.

Впрочем, мы обрадовались бы, наверное, и ей, ибо за прошедшую ночь «Скорая» так и не приехала, сколько я ни звонил и ни ругался с диспетчером по телефону. Но время-то ночное, когда в их министерское гнездо звонить бесполезно, вот я ничего и не добился!

Теперь пред нами предстал пожилой озабоченный врач, откровенно нереспектабельный, сутулый, скорее всего, прежней, еще советской закваски, которому мы интуитивно сразу поверили.

Несмотря на ранее утро, выглядел он уставшим и торопливым, однако к больной не подошел пока не вымыл руки! В наше время это воспринимается с удивлением! Попросил табуретку, присел рядом с тобой, уточнил, где болит, поглядел на оставленные ранее кардиограммы, одновременно слушая меня об истории болезни, измерил своим тонометром давление, засек частоту сердечных сокращений, обеспокоенно покачал головой и приказал мне «немедленно собирать больную».

– В таком состоянии я ее здесь не оставлю! У вас есть городской телефон? Покажите!

Всё это у него заняло минут пять-шесть. Еще минут десять участковый дозванивался и требовал по телефону немедленно прислать специализированную машину для экстренной госпитализации больной с тяжелым обширным инфарктом миокарда. На том конце провода, видимо, активно возражали, ссылаясь на невозможность сделать это в ближайшее время, на что участковый мрачно и спокойно проговорил:

– Вот, что! Если машины не будет через установленные двадцать минут, я напишу на вас докладную, а мои клиенты будут вправе подать лично на вас заявление в суд за неоказание помощи человеку в тяжелом и беспомощном состоянии. Надеюсь, вы последствия этого для себя понимаете! Уточняю адрес! – (он продиктовал адрес, глядя в свой блокнот, и попросил меня, если возможно, стакан чаю без сахара).

Мы с ним еще посидели некоторое время рядом с тобой, а через полчаса приехавшая кардиологическая бригада принялась готовить тебя к эвакуации в больницу. Я потерял нашего благодетеля-участкового из виду лишь на улице, когда он честно доделал своё дело, а тебя уложили на носилки в машину.

«Не успел поблагодарить хорошего человека и врача, который, пожалуй, один-единственный оказался достойным этого! – с сожалением подумал я, устраиваясь рядом с тобой в машине. – Ничего, сделаю потом!»

По дороге, чтобы из вежливости хоть одним словом обмолвиться с сидящим по другую сторону носилок врачом, я поинтересовался, почему же «Скорая помощь» приезжает на вызовы спустя несколько часов или вообще не приезжает? Я понимаю, что вина в этом не самих врачей, но почему же? И есть ли какие-то приоритеты в том, к кому раньше посылается машина?

– А что мы можем поделать? – без злости оправдался врач. – Машин не хватает. Район обслуживания увеличился за счет прибавившихся новостроек, а машин стало даже меньше,

некоторые вообще развалились. Да и текучка среди персонала. Не всем круглосуточная работа подходит, часто она нервная, ответственная.

«Ну, да! Очень она у вас ответственная! – подумал я язвительно. – Только никакой ответственности вы никогда почему-то не несете, судя потому, как вы к нам приезжали!»

– А приоритеты... Кто их знает? В первую очередь диспетчер посылает, конечно, к роже-ницам или к маленьким детям. Огнестрелы случаются, на ДТП часто выезжаем, если с жертвами. Найденных на улице тоже в первую очередь подбираем. Наркоманы и в сильно нетрезвом состоянии тоже наши... И их обслуживаем в первую очередь... Ну, а к пожилым людям, если машин не хватает, приезжаем, если освободимся... Да не наша вина! За сутки бывает и десять вызовов, и даже двадцать! Тогда вообще беда для нас. Не присесть, ни поесть... А кое-где с кулаками набрасываются... И носилки вон этим девчонкам носить приходится... Это при их-то силенках и весе... И носилок, и девчонок... И эти лестничные пролеты пятиэтажек, где с носилками не развернуться, и лифты, в которые носилки не внести... А собаки чего стоят! Да что говорить! – махнул он рукой в сердцах.

– О причинах говорить не стану, но качественное состояние вашей службы мне понятно – полный разгром! Даже если судить по тому, через сколько вы приезжаете и через сколько должны, то ваши возможности меньше требуемых раз в пятнадцать или двадцать... Это и есть разгром! А поскольку раньше такого не было, то это, очевидно, и есть результат выполнения программы Путина по модернизации нашей медицины!

– Да что говорить! – буркнул врач и отвернулся от меня.

13

В приемном отделении городской больницы, в которую тебя доставили, дежурным врачом оказалась симпатичная женщина средних лет независимого вида в идеально отглаженном халатике салатного цвета, кстати, заведующая кардиологическим отделением. Она принимала мою супругу и сопроводительные медицинские документы из рук кардиологической бригады, а я стал свидетелем того, как она сносилась с коллегами из «Скорой помощи». Обращаясь к врачу, возглавлявшему бригаду «Скорой», дежурная без обиняков спросила:

– Как это понимать, уважаемый? При очевидном и тяжелом инфаркте миокарда вы предлагаете мне подписать доставку больной с гипертоническим кризом? И это притом, что больная двое или трое суток находится в тяжелом состоянии? Я не первый год работаю, но такого ... (она произнесла слово, которое не очень вязалось с ее миловидностью) еще не встречала! Сейчас же переписывайте документ! С такой липой я больную от вас не приму и ничего не подпишу!

Тогда я не очень-то понял, что это означало, ибо меня больше волновало твоё состояние после поездки по ужасным городским дорогам, которые способны в машине, почти лишенной амортизации, как наша, и здорового человека сделать больным, но факт проявления принципиальности со стороны дежурного врача вселил в меня крохотную надежду. Тем более что Валентина Владимировна, как ее звали, уже успела со мной познакомиться. Она сама мне представилась, расспросила по существу и пообещала, что столь тяжелую больную будет вести лично. У меня сразу возникло к ней полное доверие.

Мне позволили пройти с тобой, уже пересаженной в кресло-каталку, которую медсестра привычно покатила куда-то по этажам, коридорам, лифтам, опять по этажам и коридорам... Идя перед каталкой, я распахивал многочисленные пластиковые двери, на стёклах которых назойливо красовалось красное пятно с крупными буквами, набранными белым шрифтом: «Это проект Путина. Модернизация здравоохранения».

«Да уж! – подумал я. – Видимо, модернизация теперь стала синонимом краха!»

Больничная палата № 403 оказалась неплохо оборудована – умывальник, туалет. Ко всем кроватям подведен кислород, столь необходимый в твоём состоянии, и мы им немедленно воспользовались.

Едва тебя положили на жесткую кровать, где под простышкой просвечивалась холодная клеенка, как медицинская сестра появилась со стойкой для так называемых систем, сноровисто отыскала вену на локтевом изгибе, отрегулировала подачу ритмично булькающего в пузырьке препарата.

В палату по-хозяйски вошла Валентина Владимировна:

– Вот и хорошо! – констатировала она, оглядев тебя, общий порядок, вовремя запущенную в работу систему и подключенный кислород. – А вы пока нам не нужны! Завтра принесёте всё по списку этой листовки! – обратилась она ко мне. – Я выписала вам круглосуточный пропуск, возьмите. Телефон мы ваш знаем, а сейчас не надо нам мешать!

Я поцеловал тебя, лежавшую в полузабытье с побелевшими искусанными губами, прошептав, чтобы больше не волновалась, собрал в охапку твоё пальто и другие, ненужные в палате вещи, и, держа их перед собой, ошарашенный завершением кошмара последних двух суток, путанными коридорами и лестницами выбрался на улицу, сориентировался, куда нас с тобой завезли, и побрел к незнакомой автобусной остановке, чтобы отправиться в опустевший без тебя дом.

Пожалуй, только тогда на меня, нещадно толкаемого безучастными попутчиками в переполненном автобусе, с руками, занятыми ворохом твоих вещей, не имеющего возможности уцепиться за какой-нибудь поручень, обрушилось всё понимание той беды, к которой приближалась наша семья. Столько лет мы с тобой неразлучно встречали все радости и невзгоды, и вдруг такая перспектива... Нервы мои достигли некоего края, но разум, если он ещё остался у меня после всех передрыг, заботливо удерживал сознание от попыток предугадать нашу с тобой незавидную судьбу.

Интересно, бывают ли судьбы счастливыми? Пожалуй, должны быть и такие! Так почему же о судьбе люди всегда вспоминают лишь в связи с какими-то бедами? Не потому ли, что несчастные судьбы нам всем стали куда привычнее счастливых?

Обалдевший от свалившейся беды, уже воспринятой мною как полноразмерное горе, я открыл квартиру и, совершенно опустошенный, уселся на тумбочку у двери. Что было дальше, вплоть до середины ночи, когда я, не раздеваясь, рухнул в полупустую постель, мне не запомнилось.

14

Оставшаяся неделя моего отпуска «без содержания», организованная по моей просьбе товарищами по кафедре сразу, как только наша история началась, зафиксировалась в моем сознании весьма туманно. Помню только, что всякий день я пытался проводить рядом с тобой в больнице, и в этом, помимо моего стремления ежеминутно видеть тебя, была и практическая необходимость: я кормил тебя из ложки, поил через трубочку, чтобы не приходилось приподнимать голову... Да что вспоминать – всё теперь лежало на мне, поскольку делать это кому-то другому, даже если оно входило в круг его служебных обязанностей, судя по всему, не хотелось, а допустить, чтобы ты в немоющем состоянии хотя бы на минутку осталась без поддержки, я не мог.

Дома я что-то стирал для тебя, гладил, покупал какие-то творожки и йогурты, даже пылесосил и протирал полы, и делал это лишь потому, что раньше ты меня всегда поругивала за нелюбовь к подобной домашней работе, а теперь мне казалось, будто ты порадуешься, даже не зная о нынешних моих чудачествах.

Я всё делал как автомат, с туманной головой, которую сам каким-то образом поддерживал в странном для себя состоянии, поскольку оно мешало разыгрываться моему необузданному воображению. Не думать ни о чём было бы легче, но у меня так не получалось. Особенно трудно оказывалось к вечеру, когда становилось невозможно не замечать заправленную мною твою половину кровати, твои расчески, косметические баночки, бутылочки и тюбики, комнатные тапки и прочие многочисленные вещицы, встречающиеся в нашей квартире повсюду, тесно связанные именно с тобой и вызывающие воспоминания. Я постоянно занимал себя какими-то делами, отвлекающими сознание, но к вечеру валился вымотавшимся на диван перед телевизором и, тупо уставившись в этот магически притягивающий всех вредоносный ящик, думал о своем, конечно же, о тебе, о нас.

«У нас была прекрасная семья» – почему-то в прошедшем времени вспоминал я, но так у меня происходило автоматически, без вкладывания того страшного смысла, который мог бы под этим подразумеваться. Мы с тобой давно стали чем-то единым, неразделимым. Совсем разные по своей сути, мы наилучшим образом дополняли друг друга, образуя крайне интересное объединение, обладающее массой достоинств, которые не были присущи никому из нас в отдельности. Ты всегда была мягкой, глубокой, внимательной ко всем и, прежде всего, ко мне и к нам, к нашей маленькой уютной семье. Ты всегда поражала меня некой таинственной святостью, безусловно, свойственной тебе в каждом движении, в каждом слове, в каждом поступке. И я искренне молился на тебя, без скидок принимая за истинную мадонну. Я немало слышал историй о сложностях семейных отношений даже у тех пар, которыми восхищался, и потому не мог понять, почему этих сложностей никогда не было у нас с тобой? Как тебе удавалось рулить нашей семьёй, обходя невидимые мною препятствия?

Удивляя меня, ты всегда и наше окружение чувствовала значительно тоньше, нежели я, а когда делилась своими наблюдениями, впечатлениями и переживаниями, то наполняла и меня необходимыми данными для принятия решения. Тебе же многие решения обычно давались нелегко, даже с муками и колебаниями, длительными и совсем ненужными, уже опоздавшими сомнениями. Я же часто рубил с плеча, поскольку был, особенно в молодости, легко воспламеняемым всякими идеями, и возбуждающимся от единственной искры какой-то, как мне тогда казалось, сверхзадачи. Тем не менее, я был силен своей логикой, умением анализировать, но, главное, обобщать, казалось, несвязанные между собой события и явления, чем ты явно пренебрегала, опираясь в большей степени на милую созерцательность, тихие мечты о покое, о красоте, об ароматах. Потому нашу небольшую дачку ты всегда воспринимала как желанный уголок уединения на фоне удивительно разнообразных и прекрасных цветов, которыми сама

же занималась с упоением, каждый раз радуясь, как ребенок, вновь раскрывшемуся. И обязательно тянула меня, отвлекая от моих прозаических, но, как я считал, более важных дел, чтобы тоже посмотрел, чтобы тоже удивился и порадовался. Я же, подчас, отмахивался, бесконечно обещая, что обязательно полюбуюсь, как только закончу работу. Ты не обижалась, но посмеивалась над моей неспособностью видеть вокруг себя столько дивного и замечательного, от чего и раненная душа быстрее выздоравливает и отдыхает.

Даже когда родился наш первенец-сын, и ты всей душой переключилась с меня на него, наша семья не испытала типичных кризисов, свойственных другим семьям. Просто я с головой погрузился в свою работу, фактически переложив на тебя все общие семейные обязанности, а ты с ними каким-то невероятным образом справлялась и меня за то не корила, чутко понимая, что именно так сохраняешь настоящий и будущий семейный покой. Ты поступала тогда по велению собственной добрейшей души и сердца, но такое поведение каким-то непонятным мне образом на поверку оказывалось даже более рациональным, чем его можно было бы вычислить на основе моей беспристрастной логики. Для меня твоё умение лаской и терпением улаживать и примирять непримиримое всегда оставалось загадкой. Не потому, что я не понимал, за счет чего ты во всём легко добиваешься успеха, а потому что я сам так делать не умел и даже не хотел.

Эх, любовь, любовь! Неосознанная нами в то время сказка, вечная игра природы, порождавшая таинственные и горестно-счастливые миражи нашей юности. Теперь у нас всё иначе. Где она, та глупая и счастливая пора? Где наша любовь? Но от нее, незаметно испарившейся, у нас осталось нечто большее – дружеская привязанность, уважение, обожание, восхищение... Разве молодежь знает этому истинную цену? Но кому-то она откроется, как и нам с тобой, Зайца. Только ведь, всё равно, не всем! Стало быть, мы с тобой – избранные, мы – счастливики!

И вот всё у нас зашаталось. В моей голове время от времени навязчиво появлялись самые страшные мысли. Я их отгонял, но более всего меня терзало то, что я всё-таки в глубине своего сознания допускал возможность самого неприемлемого финала для нашей семьи. То, что тебя в ней вдруг может не оказаться! Я пугался этих мыслей, я их глушил другими, более важными, но они не уходили далеко, каждый раз возвращаясь и вызывая множество вопросов и ситуаций, которые обсуждать мне казалось совершенно недопустимо, попросту кощунственно. Даже появление подобных мыслей я закономерно расценивал как предательство тебя. Я всецело должен был нацеливаться на твоё выздоровление, а я думал, черт знает, о чем! Неужели всё действительно может случиться? Неужели мы с тобой не обладаем той исключительностью, которую я автоматически нам приписывал, и которая, как мне всегда казалось, оберегала нас от многих бед, постоянно круживших рядом.

Одна из моих запретных мыслей – как я останусь один? Я же давно привык, что значительную часть жизненно необходимых обязанностей легко и непринужденно, по крайней мере, не жалуясь никогда мне, исполняешь ты! Многие из твоих обязанностей для меня – темный лес. На меня всегда возлагалось немного: задача наполнения семейного бюджета и «добыча» продуктов питания, ремонт и содержание бытовой техники, всякие оплаты квартиры, садилов, почтовые дела и организация того, что называется культурным нашим досугом. Но, находясь за твоей спиной, я никогда не задумывался о проблемах ежедневного приготовления еды, о стирке, о периодически необходимых нам и детям лекарствах, о поддержании стерильной чистоты в квартире – фундамента нашего здоровья. Вся эта глыба семейного уюта была на тебе, и вот теперь ее без твоей поддержки придется осваивать мне самому? А когда я буду это делать, успевая и во всех прежних своих обязанностях? Кто мне поможет? Не сын же, военнослужащий, который давно отделился и живет со своей семьей далеко за Уралом. А дочери и без меня забот хватает! Неужели придется приглашать кого-то чужого? И потом обнаруживать во всём сделанное непривычно, сделанное не так, как делала ты... Это же невы-

носимо, переживать такое всякий божий день! Жениться снова? Только ни это! Я даже представить себе не могу кого-то вместо тебя! Мы ведь срослись настолько, что выжить, оставшись без тебя, я не смогу ни физически, ни духовно, ни морально, ни аморально... «Не знаю и даже думать об этом не хочу!» – сразу же заводился я, всё же представляя в глубине души, что решать эту задачу в случае чего мне придётся.

Но моё существо активно протестовало. «Нет и нет! Не смогу я без тебя. Я всегда старался избегать разговоров о нашей любви, я их попросту стеснялся, но она подразумевалась сама собой и никогда между нами не подвергалась сомнению, и я действительно всегда любил и люблю тебя без всяких красивых слов! Из всех женщин существуешь для меня одна лишь ты! Из самых красивых, самых привлекательных, самых обворожительных и еще, бог знает, каких. Только ты, моя Зайца (именно так я называл тебя с нежностью, делая ударение на последнем слоге), мне очень-очень нужна! Только ты или никто! Так пусть же все несчастья обойдут тебя стороной и спасут и тебя, и нашу семью!»

Вообще-то, сознаюсь, нетрадиционная мысль меня тогда посетила. И я решил, если не станет тебя, мне лучше проследовать туда же. И я принялся более детально прорабатывать этот вариант. Однако он оказался не таким уж простым в реализации. Застрелится, мне не удастся, поскольку оружия нет, и не будет. Открыть газ? Это легко, но тогда, сколько людей, мечтающих жить, пострадает из-за меня? Значит, отпадает. Кинуться под машину? Нельзя: ведь сдуру обвинят невинного водителя. Броситься с моста? Нет, не хочу, потому что я знаю, как отвратительно выглядят утопленники. Отравится? Можно, но слишком это по-женски. Вскрыть себе вены в горячей ванной? Говорят, будто это даже приятно. Но всё это – не то!

Кроме того, человек, вроде меня, который решается уйти из-за того, что ему свет стал не мил, не станет искать для этого наилучший способ, лишь бы привлечь к себе внимание. Мне бы хотелось уйти незаметно, чтобы не так...

Ах, Лев Николаевич! Ты тоже, подобно мне нынешнему, искал для своей взбалмошной полусумасшедшей Карениной подходящего способа самоубийства, но тебе хотелось чего-то иного, весьма публичного и одновременно, страшного до ужаса. Чтобы всех потрясти страшной смертью. Чтобы читатели (что и произошло в действительности) уже по этой только причине, из-за чудовищного способа самоуничтожения главной героини, не задавали бы себе вопросов, зачем она это сделала? Сам же Толстой, как я понимаю, этого читателям не объяснил. Да он и сам, конечно же, не смог бы себе этого объяснить, но ему очень хотелось скорее закончить роман и, кроме того, закончить его непременно чудовищной трагедией, потрясающей читателей до основания их мятущегося от ужаса разума.

Надо признать, Лев Николаевич этого вполне добился! Читателей напугал основательно. Тем не менее, поведение Анны от этого не стало ни понятнее его читателю, ищущему сколь-нибудь обоснованный смысл самоубийства, ни разумнее для самой героини! Помню, я дважды перечитал весь роман и несколько раз его финал, но ничем так и не смог оправдать спонтанное самоубийство Анны, да еще столь нелицеприятным способом. Как говорят теперь, очень уж всё притянуто! Но не стану ругать за это человека, еще при жизни своей признанного в мире гением, ибо мои слова могут истолковать, как стремление поставить себя выше гения! К этому я не стремлюсь даже в самую последнюю очередь! Видимо, до понимания Толстого я просто не дорос! Видимо, у каждого свой крест! И его должно нести долго и до конца, не выискивая более лёгких решений.

О чём это я? Ах! Пожалуй, до решения этого вопроса я тоже пока не дорос!

Но жизнь моя продолжалась.

Уже на второй-третий день пребывания в кардиологии тебе значительно полегчало. Давление сбили, оно стало даже несколько ниже нормы. Перебоев в работе сердца поубавилось, хотя ты по-прежнему оставалась совсем немощной. Тем не менее, беда от нас отодвинулась

настолько, что свою неоконченную тему я больше не вспоминал. У меня появилась спасительная надежда.

Потому меня опять более всего занимало твоё состояние. Валентина Владимировна к моим расспросам относилась серьезно, но в дебри медицинских подробностей меня не впускала:

– Да что тут скажешь, Александр Федорович? Инфаркт миокарда! И этим всё сказано! Большой и очень запущенный инфаркт. А вы меня так спрашиваете, будто вам интересны наши профессиональные термины! Если хотите, то – пожалуйста! Блокада передней ветви ЛНПГ, Q-изменения в передне-перегородочной области ЛЖ с распространением на верхушечную неопределённого срока давности. Значительные изменения по з. Т. в боковой области ЛЖ. Одиочная желудочная экстрасистолия. ЭОС резко отклонена влево. Ну и как? Этого вам достаточно или продолжить? – улыбалась она, наблюдая безуспешность моих попыток что-то понять. – Потому и говорю, не путайте вы себя этим напрасно! Наступит время выписки, тогда я всё подробнейшим образом опишу и вам лично выписку вручу! Будете лет через пятьдесят читать это со своей милой супругой, и посмеиваться, вспоминая давно пережитое!

Я действительно укрепился в мысли о благополучном исходе нашей с тобой болезни и под напором твоего беспокойства обо мне, через несколько дней стал уже во второй половине дня оставлять тебя на попечение медперсонала, чтобы как-то поправить свои собственные дела. Хотя бы отоспаться, хотя бы что-то приготовить съестного, ибо моя хроническая язва за последние дни стала меня особенно донимать.

Более тяжело стало, когда я вышел на работу, поскольку ежедневно продолжал прибегать к тебе, чтобы покормить, успокоить, просто посидеть рядом. Занятия в университете отнимали почти весь день и сильно ломали мои планы по времени, ведь четкого рабочего дня у меня нет, всё определяет студенческое расписание. Пытаясь успеть везде и всюду, измученный тяжелым для меня ритмом и больным желудком, я стал во всех делах притормаживать, а потом и вовсе почувствовал, что вот-вот не выдержу этой дьявольской гонки по большому кругу.

В итоге так оно и случилось. На одной из лекций мне сделалось дурно. Всё вокруг меня принялось вращаться по часовой стрелке, будто помещенное на огромный вертящийся круг. Поплыла любимая мною лекционная аудитория, выполненная амфитеатром, поплыли ее сверхвысокие окна, и студенты, сверкающие пятнами изумленных лиц... Инстинктивно я устремился за ними, но никто и ничто в реальности не кружилось, потому я наклонился и наклонился в сторону, пока не оказался на полу. Но головокружение не прекратилось, лишь потемнело в глазах и...

Всё правильно! Острое нарушение мозгового кровообращения! Инсульт!

Спасибо моим прекрасным студентам! Они не только не растерялись, не только немедленно вызвали «Скорую», но и догадались позвонить своим знакомым, обучающимся в нашем же университете, на медицинском факультете. Потому, прежде чем студенческая инициативная группа дождалась у входа городскую «Скорую», меня плотно взяли в оборот свои будущие кардиологи и неврологи. Моё «Спасибо» им всем за то, что не упустили случая на мне попрактиковаться!

Вот так с тяжелым инсультом, практически потеряв ориентацию в пространстве и то, что называется сознанием, я очутился на больничной койке. Жаль, что не в твоей больнице. Еще более обидно, что утратив работоспособность, я не мог помогать тебе. Правда, сам я, когда приключился этот паршивый инсульт, ни о чем не мог не только сожалеть, но и элементарно держаться на ногах. Говорят, врачи в приемном отделении сразу оценили моё состояние как безнадежное. «Ну, вот! Еще один бедолага!» – пожалел меня кто-то из них.

Таким оказалось продолжение моей личной истории после столь значительных для нас с тобой событий. Но и их продолжение стало лишь началом совсем иной, почти неизвестной

нам до сих пор жизни, тесно завязанной на современную псевдомедицину! Да, очень многое ждало нас впереди.

15

Врачи, поставив мне диагноз «ишемический инсульт», по основным симптомам находили его весьма нетипичным, потому и стандартное лечение, рассчитанное на типичность инсульта, в моём случае оказалось неприцельным. Оно не воздействовало на болезнь, как желательно, сильно и точно, а, скорее, как придется, наугад. Из-за существенной неопределенности диагноза лечение не ориентировалось на выздоровление, а пробиралось к возможному финалу на ощупь, не зная, что из этого выйдет. По крайней мере, оно било не по самой болезни, а так – вообще, пальцем в небо!

Но и такое лечение меня как-то поддерживало, как-то укрепляло, что-то во мне разжижало и насыщало, чему-то способствовало и прочее... Хотя, – не более того! Потому важнее оказалось то, что я сам изо всех сил боролся, не впуская в себя даже тень сомнения, будто не смогу подняться. Именно такой моей позиции в совокупности с оговоренным лечением и оказалось достаточно, чтобы я остался среди живых.

Теперь с усмешкой вспоминаю, как иной раз приходилось слышать изумленное: «Вы знаете! Он не умер, лишь потому, что очень хотел жить!» В это я вполне верю! Но в таких словах совершенно не учитывается самое главное – для чего этот «он» хотел жить? А это совсем не однозначно! Знаете же по собственному опыту, кто-то живёт с пользой для людей, кто-то всю жизнь тлеет, заботясь лишь о своём благополучии, а кто-то ещё и смердит, усложняя жизнь нормальным людям. Уход первых всегда огорчает; вторых – едва ли; а о третьих и говорить-то нет желания! Но в связи с этим, разве неважно знать про каждого конкретного человека, что он собой представляет? Может, его и спасать-то не стоит? Меньше будет хлопот, меньше от него вреда! Разве не так?

«Насколько роскошная мысль? – усмехнулся я. – Прямо, как у господ бога, решающего на распутье, кому куда направляться! А меня-то самого, как прикажешь, спасти или нет? Как считаешь? Ты! Именно ты! Больше полезен для страны или больше вреден?»

– Ха-ха! – могут усмехнуться в мой адрес. – Для тебя в этом сложном вопросе и сомнений не должно возникать! Как же иначе, если это касается тебя! Ты же у нас единственный! Ты у нас непогрешимый! Тогда обоснуй, если всё так, докажи, что живешь не зря, не во вред!

Что же, пожалуйста: может, в своей прежней жизни я не всегда был последовательным и наворочал немало такого, о чем теперь жалею. Было дело, но по большому счету, если судить меня непредвзято, винить себя мне не в чем! Стало быть, обязаны и меня спасти! Это, если по справедливости! Но это лишь теория, а на практике не очень-то действительно меня спасали, и не умер я лишь потому, что не мог даже вообразить, что пришла и моя чёрная пора. Я не верил, что должен умирать! И потому, на пару со своим организмом, я боролся за своё право остаться в жизни, полагая, что должен еще немало принести пользы и для страны, и для людей. И эти слова не считал высокопарными, хотя с некоторых времён совесть и честь в нашей стране расцениваются как глупость, а люди, до сих пор не сумевшие избавиться от столь мешающих в жизни качеств, воспринимаются как не слишком умные! Но я, что со мной не творите, так считать продолжаю до сих пор!»

16

В палате свободного времени, необходимого для самых неопределенных моих размышлений, оказалось столько, что раньше я и мечтать не мог о подобной возможности. И потому использовал ее на полную катушку, вспоминая и анализируя, что угодно, отгоняя от себя лишь самые жуткие мысли о случившемся с тобой.

Я был уверен, что мои мозги в любом случае должны работать, делая это напряженно и непрерывно. Работать в любом направлении, им самим удобным и задаваемом. Пусть что-то вспоминают, как-то упорядочивают, домысливают, прорабатывают, выстраивают или аргументируют, будто готовятся к публичному выступлению. Всё это и есть работа для мозга, а она обеспечивает ему жизнь. Стало быть, заодно и мне! А я, по большому счету, далеко отсюда пока не собираюсь.

Но моя спокойная и «вдумчивая» жизнь внезапно изменилась – среди ночи появился сосед, доставленный сюда после основательной работы над ним хирургов. Первые сутки после операции он жутко храпел, и не только во сне, иногда тяжело стонал и часто вскрикивал, при этом обязательно задыхаясь и откашливаясь. Присутствовать при этом было жутковато.

Вокруг соседа часто и подолгу сновали озабоченные хирурги, и наши врачи из отделения, и медсестры. Иногда всё это меня сильно отвлекало от собственных мыслей, тогда я слегка злился на него, в общем-то, совершенно невиновного. Но иной раз, признаю, его стоны меня даже радовали, поскольку напоминали, как совсем недавно и я пребывал между небом и землей в столь же беспомощном и незавидном состоянии, но сегодня-то, слава нашей тщедушной медицине, стал активно выкарабкиваться! Это прогресс! Как ему не порадоваться? Возможно, и медицину я ругал напрасно... В ней до сих пор можно встретить самоотверженных людей.

Спустя день сосед ожил и несколько окреп. Я замечал, как временами он заинтересованно вертел головой, изучая палату. Обнаружил он и меня, не желавшего вступать в диалоги, поскольку я хорошо понимал, что он, вполне возможно, еще не совсем верит своим глазам, не сознает, что ему действительно суждено вернуться в жизнь. На это осознание требуется немало времени, вот я и не мешал ему полностью освоиться.

Но я его несколько не интересовал. Он даже заговорил первый раз не со мной. Когда около него стала колдовать наша молоденькая медсестра, я впервые услышал от него нечто внятное:

– Девушка, вас зовут Таней?

– Это так! Но откуда вы знаете? – удивилась медсестра. – Я ведь с вами еще не дежурила!

– Известно откуда! Тот, кто побывал там, тот знает всё! – усмехнулся мой сосед. – А теперь, Танюша, признайтесь мне, как на духу, вы, в любовь с первого взгляда верите?

От неожиданного поворота темы девушка рассмеялась:

– Я во всё хорошее верю!

– Я и это о вас знаю! А ещё, Танюша, не скрою, мне нравится, что вы, как и я, сразу поверили в нашу любовь! – спокойно и внушительно, не улыбнувшись своей шутке, произнес сосед. – Оба сердца одновременно не обманешь!

– Да, ну вас! Многие здесь, едва очнут, заигрывать начинают. Это побочный результат действия анестезии. А стоит в другое отделение перевестись, так при встрече даже не здороваются! Вот такие у нас ухажеры галантные!

– У нас всё будет иначе! – заверил сосед. – Хотя здороваться с вами я тоже не стану! И знаете почему?

– Вы всё шутите! И почему же? – не скрыла своё любопытство Татьяна.

– Это просто! – тянул с ответом сосед. – Мы с вами никогда расставаться не будем! Значит, и здороваться нам не придется!

– Ну, всё! Пошутили, и будет! – почти серьезно ответила девушка.

А мне, напротив, стало интересно его слушать. «Умеет же мужик занимать себя при вынужденном безделье, толкающем меня лишь на тяжелые воспоминания! – молча восхитился я. – Неужели на этом он уgomонится?»

– Ладно, Танюша! – продолжил сосед. – Будь, по-вашему! Но непременно сообщите мне, когда освободитесь от самых важных своих дел. Тогда я расскажу вам, что видел на том свете при последнем его посещении. Это же вам, я знаю, интересно? Договорились?

– Вы так говорите, будто часто там бывали! – не выдержала своего же бойкота засмеявшаяся Татьяна.

– Честно говоря, я не очень-то и хотел туда, но приходилось бывать многократно! И, как ни странно, всякий раз проникал туда через какие-то незнакомые мне ворота! А вот возвращения оттуда совсем не помню! Ни одного! Хочу вспомнить, напрягаюсь, чтобы знать дорогу оттуда наперёд, а зацепиться памяти не за что! Вот я и думаю, что обратно я не сам выбирался, а от меня там вынужденно избавлялись! Потому и вылетал я оттуда как из ружья! Видимо, по их святому разумению, я для того света еще нужной святости не набрался!

Девушка опять засмеялась, и в этом смехе я уловил с ее стороны всё больший интерес к моему соседу:

– Ладно! Когда у меня появится время, вы мне обязательно расскажете! А теперь вам лучше поспать! Уж для этого, надеюсь, вашей святости хватит?

– Не считите за пошлость, но, смотря с кем спать! Вон, с соседом своим, который постоянно молчит, я буду спать запросто! Он мне не мешает! – включил он и меня в свою игру, на которую я опять не откликнулся, прикинувшись спящим.

Медсестра вышла, и сосед ещё минут десять лежал молча, а потом, наверное, не выдержал:

– Ты ведь Александр? – уточнил он. – Да?

– Собираетесь и меня разыграть? – усмехнулся я.

– Нет! Просто я слышал, как тебя называли. А я Иван! – представился он, не обращая внимания на мою усмешку. – Может, в морской бой сразимся? Ты не моряк, случаем?

– Можно! Листы у меня есть, правда, нелинованные, а вот ручка всего одна. Стало быть, не судьба!

– О судьбе не надо! Надоело с ней общие дела иметь! А карандашик я у Татьяны спрошу... – но не спросил, почему-то опять затих.

У меня тоже не возникло желания играть ни в морской бой, ни в слова, хотя чем же еще заниматься людям в нашем положении, располагаясь у противоположных стен, если они не хотят копаться в жизнях друг друга? Наконец, сосед посетовал:

– Трудная у нас ситуация! Обычно на работе мужики о женщинах говорят, а с женщинами – о работе! В таком случае всё сразу упорядочивается, как и положено, раз и навсегда, но у нас с тобой и ни то, и ни другое! Уж не о политике же балакать!

– Почему бы и нет? Если это интересно! – не согласился я.

– Спрашиваешь, почему? – с металлом в голосе выдохнул Иван. – Да потому, что в политике не говорить следует, а дело делать, нужное людям! А теперь разговоров много, а дел нет! Одни делишки и остались! Да и те все грязные, воровские или мошеннические!

– Слушай, Иван! – решил и я перейти с ним на «ты». – Откуда в твои годы столь мрачный опыт?

Он молчал столь долго, что мне подумалось, будто разговор наш окончен, не начавшись. Но в палату зашел Сергей Николаевич (еще один врач нашего отделения) и передал моему соседу письмо, предупредив, что подождет, на всякий случай...

Иван распечатал конверт, долго всматривался в бумагу, но потом признался:

– Сергей Николаевич! Прочитайте мне, ради бога, а то без очков всё расплывается... Не беспокойтесь, там секретов быть не может.

Врач взял листок, присел рядом на кровать и, стараясь говорить негромко, чтобы я не слышал содержания письма, прочитал его для Ивана вслух. Тот лежал неподвижно, уставившись в потолок. «Ваня! Не переживай за детей и меня. Как-то мы устроились. Мир не без добрых людей. Сначала выздоравливай, а уже потом станем решать наши проблемы. Я к тебе приходила, но пока не пустили. Врачи говорят, что скоро всё заживёт. Мы тебя ждем. Оксаночка и Петька очень скучают, часто о тебе спрашивают. Они у хороших людей. Оксаночка завтра уже в школу здесь пойдет. Целую тебя, братец! Поскорее выздоравливай!»

– Спасибо! – только и сказал Иван, взяв листок в свои руки и надолго замолчал.

Я тоже молчал, будучи нечаянно посвященным в не афишируемую чужую жизнь. Иван после ухода Сергея Николаевича заговорил со мной сам:

– Теперь-то ты всё понял? Видишь сам, ничего интересного! Обычная для современной Украины история. Я был шахтером в маленьком украинском городке (он опять надрывно закашлялся). Для нас, выросших там с рождения, других профессий вроде и не существовало. У женщин тоже вариантов немного. Ну, учительница или воспитательница в детском саду, возможно, продавщица, как моя супруга. Остальные профессии – редкость. Как-то в забое... В общем, глаза мне тогда засыпало, их потом промыли, но вижу с тех пор плохо. Инвалидность дали. Пока войны не было, нашей семье, в общем-то, хватало. Оксанке уже восемь лет, а Петьке четыре. Полгода назад жену на улице осколком задело... Не спасли. Моя сестра мне с детьми здорово помогала. У нее муж два года как пропал, в обороне воевал. Своих детей не успели... Такие вот дела! А потом и меня зацепило. Операцию у нас-то сделали, как смогли, только сложно всё оказалось. Стал я чуть позже погибаться, но опять же повезло: товарищи переправили меня через границу в Ростов. А дальше уже и не помню – почти всё время был без сознания. Теперь здесь (он опять сухо и тяжело, сдавив виски ладонями, закашлялся). Ни документов, ни друзей, ни жилья, ни работы, ни денег! В общем, погано, но очень всё интересно! Особенно интересно, как же дальше быть? Куда деваться, когда из больницы выпишут? Я же не с Марса свалился, чтобы не понимать, как мы тут и там, у себя на родине, всем нужны! Вот и надумал, если отсюда выберусь живым, придется мне сразу жениться. Не на Татьяне, конечно! Не мой вариант, но детишкам хорошая мать нужна, я же не справлюсь при таком стечении обстоятельств, а сестре и свою жизнь надо налаживать. Не старуха ведь она! Понимаю, конечно, сложно всё! Я в свои тридцать шесть совсем проблемным стал, да и не один я. Но кому-то и мы сгодимся... Руки-ноги имеются, а по-нашему это уже хорошо! Да и голова не совсем пустая... Как думаешь?

– Признаться, ошаршил ты меня! Война, ранения, эвакуация... Мы здесь, конечно, всё это и сами знаем! И про Украину, и про войну кровавую, и про Донбасс, и про молодежь вашу скачущую, кем-то умышленно подготавливаемую для гестаповских функций на нашей территории. Мы переживаем, но в наших головах всё как-то преобразуется, будто оно далёкое, будто не настоящее! Поговорили и забыли! Вроде всё это где-то есть, а вроде этого и нет. Так – некое наваждение. Мол, если сам не хочешь, так ничего и не будет! Свои заботы воспринимаются больше... А вот так, чтобы с такой бедой вплотную ... Но ты знай, Иван, чем смогу, тебе помогу! – решительно заявил я.

– За намерение – тебе спасибо, да только сам-то ты, когда на собственный ход встанешь? Выздоровливай сначала, Александр, а там и поглядим, что откуда и почём! Есть заботы, которые заранее лучше не планировать!

17

Люди, люди! Как же вы похожи на надувные разноцветные шарики! Вас тоже очень много! Красивые, легкие, подвижные, неугомонные, большие и малые... От мнимой важности вы раздуваете щеки, суетитесь, летаете...

Но что это? Вдруг кто-то взрывается. И всем страшно за себя, но интересно – почему? Что с ним случилось? Инсульт? Инфаркт?

А другие шарики продолжают трепыхаться на ниточках. Наконец, самые избранные из них и самые отчаянные срываются с привязи и устремляются вверх. Они летят! Летят! Но скоро напарываются на колючие ветки деревьев, лопаются и навсегда исчезают из нашего поля зрения...

Иные же, запутавшись в ветвях, надолго задерживаются на внушительной высоте. Они, самодовольные, всем видны отовсюду! И потом ещё долго скачут из стороны в сторону вместе с порывами шального ветра. Но постепенно и они тают, дряхлеют, обвисают и когда-то вовсе повисают на ветвях пустыми невзрачными и незавидными резинками.

И лишь немногие касаются самого неба, устремляясь в недоступный зенит. Приковывая к себе многочисленные завистливые и восторженные взгляды, они медленно удаляются и, в конце концов, растворяются в неизведанной голубой дали, вызывая у всех недолгие разочарования, зависть, сожаления и мечты о собственном полете.

Но у всех свой полёт! У всех своя судьба... Хотя, большей частью, она лишь издалека привлекательна. У каждого есть свои заморочки!

18

Шли седьмые сутки моего пребывания здесь, в реанимации. Лежание стало невыносимым! Если вы собственной спиной этого не пробовали, то ни за что меня не поймёте.

Ведь у здоровых людей обычно как бывает? Человек, основательно затюканный суетной жизнью, просыпается с лёгкой радостью на сердце уже потому, что сегодня у него выходной. Он позволяет себе поваляться в постели лишние полчаса и даже час.

Действительно, как приятно бывает расслабиться, никуда не спешить, даже ничего не планировать! Но попробуйте не вставать до обеда! Все приятные ощущения заменятся противоположными. А теперь представьте ещё более того, будто вы залежались до вечера, а потом, не вставая, пошли в ночь! Тогда от подобного отдыха вы точно начнете испытывать совсем не удовольствие, а настоящие муки средневековой пытки. И сможете понять меня, давно не имеющего возможности подниматься на ноги, и при этом, находящегося в полном сознании и абсолютно правильно понимающего своё нелепое и неопределенное во времени наказание!

Я опять среди ночи проснулся от жутких и обязывающих меня к каким-то действиям снов, навеянных вечерним рассказом Ивана. Но сразу сообразил, что все ужасы мне всего лишь приснились, потому я скоро успокоился и ещё долго лежал под впечатлением ночного кошмара, даже не пытаюсь уснуть. Из-за того я первым услышал, как Иван опять принялся кашлять, тяжело и надрывно. Потом, когда к кашлю добавилось пугающее бульканье и клокотание, я решил, что стало слишком опасно и нажал кнопку тревожного звонка.

Примчавшаяся сестра незамедлительно вызвала дежурного по реанимации врача, он приказал ей срочно готовить каталку и по телефону вызвать хирургов, а сам чем-то помогал задыхающемуся Ивану. Тревожный переполох продолжался минут двадцать, потом Ивана бегом укатали в операционную.

Я еще долго не спал, пытаюсь представить, чем закончится непонятная для меня операция. Зато утром, когда медсестра меняла мою «систему» и делала укол, я чувствовал себя настолько сонным и разбитым, что отказался от завтрака и решил подремать.

Ближе к десяти санитарка принялась заменять белье с постели Ивана; я спросил ее, в какую палату после операции отвезли моего соседа и почему не вернули сюда? Она неопределенно дернула плечами, молча продолжая своё дело. К этому времени вместо Татьяны на дежурство заступила Вера, но и она ничего не знала. По крайней мере, мне она ответила именно так.

Но когда и во время обхода я не сумел ничего выяснить, то усомнился во всём. Весьма всё странно выглядит! Какая у них необходимость скрывать от меня сведения о моём соседе? Да, никакой, конечно! Уж не забота же о моём настроении ими руководит? Но ведь скрывают! Даже всех сестер предупредили – и те послушно меня дурят, будто ничего не знают!

Это, конечно! Кто угодно мои сомнения может объявить плодом моего воспаленного воображения! Будто весь персонал организовал против меня некий заговор, необходимый только для того, чтобы скрыть от меня результат операции моего соседа! Но это не тот плод! Так и есть! Вот только зачем им это? Я тоже не понимал!

Стало быть, чушь? Точно, чушь! Я всё сам и придумал? Но почему именно так всё и происходит, словно в бреду, а не в реальной больничной действительности, где они всё от меня, конечно же, скрывают.

Ничего о соседе я так и не узнал. Но более всего меня расстроило, что в палате никакого расследования я провести не смогу. А помочь Ивану нужно непременно. Если не ему, так его беззащитным детишкам! Кому они теперь нужны в стране, где и о своих детях порой забывают, а государство заботится о них как-то странно! Но я их найду, лишь бы самому мне подняться!

19

Восьмой день моего больничного заточения подходил к концу, когда меня обрадовала медсестра Инна:

– Можете плясать, Александр Федорович! Вам письмо! Его сегодня ваша внучка занесла до занятий, как она сказала. Вот...

Из протянутой руки я с тревогой принял согнутый пополам листок, догадываясь, что он может содержать как хорошие, так и плохие вести. Я еще не знал, кем написано письмо, очень надеясь, что оно от супруги. Или хотя бы о ней. Потому волнение моё усиливалось с каждой секундой вместе с острым желанием остаться в одиночестве. (Лежавший напротив сосед не в счёт, поскольку из-за тяжести своего состояния ко всему безучастен, но не хотелось, чтобы за мной следила медсестра).

Коротенькое письмецо было написано бесконечно знакомыми и любимыми буквами жены.

«Дорогой мой! За меня не волнуйся, я скоро начну бегать, хотя лечение продолжается! Во время коронаграфии мне поставили стент. Это такая трубочка, восстанавливающая кровоток в аорте. Сказали, что обошлось без шунтирования. А это тяжелая операция на открытом сердце, после которой люди восстанавливаются и полгода, и год. Невыносимо скучаю по тебе! Невыносимо! Молюсь, чтобы ты скорее выздоровел и остался такой, каким я тебя люблю! Только и жду нашей встречи, пока невозможной. Целую тебя, как всегда! Теперь буду писать при первой же возможности, только поправляйся поскорее! Твоя Зайца».

20

Уже не припомню когда, может, года полтора прошло или даже больше, знаю лишь, на нашу семью в ту пору еще не навалилось всё это множество несчастий, а внучка затеяла безобидный, на первый взгляд, разговор. Она, сколько помню ее, всегда донимала меня вопросами, модными среди ее сверстников. Видимо, щеголяя потом своими познаниями.

Например: «Как я отношусь к многочисленным сообщениям в интернете о том, что всё чаще на территории нашей страны обнаруживаются свидетельства того, что старинные здания в городах странным образом заглублены на несколько метров. Где-то на три, где-то на пять, но есть и восемнадцать! Под землей оказались окна, двери, ворота... Входы в здания пришлось выстраивать заново, сооружая крылечки и подъезды. В перечне городов с такими находками уже числятся Челябинск, Казань, Киров, Москва, Петербург, Смоленск и много других».

Я поглядел тогда вместе с внучкой кое-что из этого списка, показанное ею, и сам пришел в недоумение – факты есть, если им можно довериться, а объяснений никаких, лишь демонстрация странных последствий совершенно необъяснимых событий! Не принимать же всерьез распространяемую гипотезу о нанесении в давние времена по территории нашей страны, да еще и за ее пределами, тысяч ядерных ударов, которые якобы и привели к засыпанию городов толстым слоем песка и глины! Но ведь как-то этот слой образовался? Хотя сделать такое даже с применением современной техники почти невозможно!

Второй вопрос: «Дед, что ты скажешь о сети прямолинейных и широченных дорог, проложенных неизвестно кем и когда по территории нашей страны и за рубежом? Эти странные дороги очень хорошо заметны на космических снимках и картах в интернете. Кто был в силах их построить и когда, если даже сегодняшние магистрали с ними не могут сравниться?»

И внучка, легко и быстро управляясь с компьютером, показала мне на картах планеты в «Гугле» сеть таинственных прямолинейных магистралей, рядом с которыми иногда виляют прямо-таки щедедушные современные дороги. Неведомые магистрали хорошо заметны из космоса, но на земле люди их не различают, а широкие просеки полагают расчищенными уже в наши времена для всяких трубопроводов, линий электропередач и чего-то в этом же роде. На таких просеках в недавние времена обосновались целые поселки и деревни, а их жители и сейчас считают, будто эта местность только при строительстве их домов и расчищена. И лишь с большой высоты заметно, что магистраль-то сама по себе приходит издалека и прямехонько уходит вдаль дальнюю, а современные населенные пункты к ней всего-то пристроились. Неужели это правда или шутка каких-то компьютерщиков?

– Ведь из этого вытекают два очевидных последствия! – доверила мне свои выводы внучка. – Либо вся наша историческая наука абсолютно не осведомлена даже о том, что происходило с планетой всего лет двести, триста или пятьсот тому назад, либо она умышленно уводит нас от истины! Умышленно! В любом случае, верить этой науке – только мозги себе запутывать! Тогда скажи мне, дедуля, зачем же я поступила на исторический факультет? Чтобы меня обманывали, а потом я обманывала бы других? Нам пафосно рассказывают о Руси как о родине, а предки наши жили-то в Великой Тартарии. Или та страна называлась иначе, а Руси вообще не было. И Киевская Русь – это фейк! Это совсем недавнее изобретение. А слово «великая» означало совсем не прославленная, а всего-то – огромная! И всю историю страны нам хитро увязали с выдуманным монголо-татарским игмом, которого не было. Это теперь и детям ясно! Нам поют о неразвитости наших предков, а в Новгороде в ходе раскопок отыскивали десятки писем крестьян друг другу, написанных на разных языках! Очевидно, даже простолюдины сотни лет назад были грамотными, а в ходу было несколько языков одновременно! И почта у них работала! Великая Китайская стена на деле оказалась антикитайской, поскольку построена не китайцами, а против китайцев. А кем? Кто сумел возвести шестнадцать тысяч км

укреплений, если за такую задачу даже сегодня никто не возьмётся? Это какая же техническая мощь нужна, какие деньжищи! Правда, не вся стена такая... Только там, где бывают туристы! Или ещё! Нам говорят о сотворении мира две тысячи лет назад, а мы послушно повторяем, будто это бог тогда мир сотворил. А было всего-то подписание мирного договора между Тартарией и ее взбунтовавшимся южным сателлитом. Его теперь условно можно назвать Китаем. Событие считалось столь важным, что Тартария решила начать с него новое летоисчисление. А мирный договор называли сотворением мира. Так ведь и есть! Заключение мира, сотворение мира! Это же синонимы! А мы не догадывались! Между прочим, даже привычное слово «китай», сугубо русского происхождения и означает обычную окраину! И ведь верно! Китай – окраина Великой Тартарии. Хотя сами китайцы себя теперь иначе называют! Зато лопухи московские по сей день не поймут, почему в центре Москвы Китай-город! Думают, будто там китайцы жили! А ведь там всего-то окраина была, начинавшаяся за крепостной стеной города, по-нынешнему, кремля! Позже незаконно заселенную окраину, примыкавшую к городу, стали звать слободой! И вообще! Чему нас учат, дед? Сплошные перевёртыши, которым я больше не верю! Может, что-то и верно, а новые знания окажутся чьими-то ловкими розыгрышами? Сразу не разобратся! Нужно время и желание!

Я молча слушал внучку, не понимая многого, о чем она рассказывает, но принимая логику ее изложения, потому не мешал.

– И вообще, дед! Что-то мне становится не по себе, когда я задумываюсь об изучаемой мною истории. Всё больше мне кажется, будто существуют две независимые истории – одну, придуманную, нам всем, всему населению планеты, вдавливают как истинную, а другую, которая и есть настоящая, давно и старательно похоронили. Да так скрытно, что и могилки не осталось. А если нет могилки, никто никогда и узнать не сможет, что она была! Никто и не усомнится в тех далеких от истины мифах, которыми нас почуют в качестве истории. Более того, мне кажется, существует некий всемирный заговор историков! Или же их всех кто-то всесильный принуждает обманывать целый свет! Если не так, то я вообще не могу обнаружить в происходящем хоть какую-то логику! Они ведь последние двести лет все замалчивают подлинную историю, скрывают неудобные им факты, свидетельствующие о том, что мы кому-то в угоду принимаем вымышленную, не настоящую историю, за подлинную. Делают всё, лишь бы мы не догадались, в каком направлении следует искать, чтобы не усомнились в их баснях... И большинство моих товарищей давно с этим смирились. Они так и говорят: «Нам бы экзаменационную сессию без хвостов сдать, а для этого нельзя свои мозги превращать в чемодан с двойным дном! Не нами сие придумано, не нам его и разрушать!» Представляешь? Потому-то веками лживая история и базируется на вымыслах! А людям приходится этому верить, потому что проверить давние исторические события они не в силах. Сами ничего знать не могут, а бабушки и прабабушки, может, кое-что и припоминают, но не далее чем на сто лет! А глубже можно узнать только в библиотеке (в архивы не пустят), но там опять те же непроверяемые мифы. Круг замкнулся!

– Ты не преувеличиваешь, хорошая моя? – удивился я устойчивому направлению мыслей внучки. – Возможно, всё оттого, что ты с каждым днем больше узнаешь нового и только со временем рассортируешь его и разложишь в понятном порядке. Может, так?

– Ты надо мной смеёшься, дед! Будто я совсем бестолковая – сама не разобралась, запаниковала, что-то себе вообразила, окончательно запуталась и тебе теперь жалуюсь, да? И сама разобратся уже не смогу! А всё не так! Это у них всё не сходится, а не у меня! Это у них всё нелогично! А всякие новые факты они от нас либо скрывают, либо высмеивают, хотя именно эти факты мне наиболее логичными и представляются...

– Это хорошо, что ты всякую информацию тестируешь на достоверность! Может, моя школа сказывается, чему я только рад! Но ты ведь не что иное, а фундамент своей науки начинаешь раскачивать! И для того, как я понимаю, чтобы всю эту историческую науку раз-

рушить... Не мне пока судить о том, что у вас там происходит, но даже если всё именно так, если ты во всём права, то представляешь ли ты, внученька, с какими силищами тебе придется сражаться за истину? На этих сказках держатся тысячи имён всяких научных светил. Псевдо светил, если ты права! Они за свои привилегии будут бороться насмерть! Истина им не нужна ни в каком виде, а привилегии, уважение, почет – нужны более всего остального! Они, слушая тебя, понимают лишь одно – от тебя для их благополучно налаженной жизни исходит большая опасность. Потому они тебя просто ликвидируют как человека, имеющего возможность самостоятельно заявлять свою научную позицию! Сделать это со студентом предельно просто! Сама понимаешь, как! Будь предельно осмотрительна и осторожна. Это не означает, бояться всего и забиться в щель, соглашаясь со всем, во что не веришь, но силы свои оценивай и обязательно наращивай! Ищи надежных, уверенных, как и сама, союзников. Кто знает, может на твою долю выпадет столь почетная участь, поставить историческую науку с головы на ноги...

– Хорошо, хорошо! Я это понимаю, потому и рассказала только тебе, дед! По секрету! Но ты даже не представляешь, ведь Тартария погибла всего двести лет назад, и мне так и неизвестно, как это произошло! Я пока не докопалась! А мы теперь живем на ее территории и не задаем себе вопросов, почему по всей стране нет деревьев старше двухсот лет? Между прочим, по годовым кольцам это сразу видно! И никто не интересуется, как же так? А это ведь информация для размышления. Где она, история тысячелетней Руси? Только заготовленная для всеядного населения мифология! А на самом деле процветала совсем другая, погибшая и скрываемая от нас великая страна, самая большая и самая сильная, великая Тартария. Или какая-то другая... Дело ведь не в названии. Возьми, к примеру, энциклопедию Англии, это самое уважаемое издание восемнадцатого века. Там очень много, конкретно и уважительно написано о Тартарии, а что с нею стало потом, с такой великой, никто не знает! Как же так, товарищи уважаемые историки? Почему не зафиксировали? Или успели подчистить? Почему вы вспоминаете Древний Рим или Грецию, а не помните великое-превеликое государство, которое буквально вчера занимало большую часть мира? Кому надо, чтобы никто этого не знал? Понимаешь, даже в советское время эти подлые историки, то есть, мы, замалчивали историю своей земли! Почему? Зачем? По чьему указу и велению? Зачем было нужно, чтобы мы не знали своего – нашего – родства! Зачем и кому это понадобилось, дед?

– Ты меня загнала в тупик! Я ведь этим никогда не занимался, потому и противоречий не замечал. Пока здесь лежу, могу почитать. Принеси, как-нибудь, хорошо?

– Буду очень рада! Но мне-то что теперь делать, дедуля? Может, бросить этот факультет и подумать о чём-нибудь другом? Ведь противно всякую чушь заучивать, если уже знаешь, что она чушь!

– Для начала, не горячись! – только и сумел посоветовать я. – Надо спокойно разобраться не в запутанной кем-то истории, а в теперешней твоей жизни, а уж потом решать, как нам дальше с тобой поступать. Сейчас ведь много всякой дезинформации и абсолютной дребедени; как бы нам не обмануться, не прогадать! Дай мне время, я постараюсь сориентироваться. Кстати, а как ваши преподаватели на эти вопросы отвечают?

– А никак! Кто-то отшучивается, кто-то щеки раздувает, изображая важность сегодняшней темы занятия, но все ответы они откладывают «на потом». И заметно, что изменения наших представлений обо всём их не столько не радуют, сколько беспокоят. Никто, дедуль, не согласен совершать революцию в своих мозгах! – рассмеялась внучка. – А вот я хочу этого! Всё равно в моих мозгах еще полно свободного места!

– Ну-ну! Ты у меня такой рассудительной стала! – порадовался я, целуя внучку.

– Дудуль, я тебя тоже очень люблю! Больше, чем кого-либо... Мне всегда казалось, что ты самый мудрый, ты обо всём знаешь, ты всё умеешь!

– Я тебя понял! Осенило, что ошибалась? Что же, мне не обидно! Значит, ты, девочка моя, растешь, и уже сама мудрости набираешься!

– Смотри, дедуль! А то ведь, перехвалишь! Кстати, еще один вопросик. Что такое мировоззрение? Я вот слышу это слово сто раз на дню, как будто даже понимаю его смысл, но вспоминаю твои слова: «Если не можешь объяснить просто и понятно, значит, до конца не понимаешь!» Со мной так и происходит. Суть представляю, а полной ясности нет.

– О! Снова мне задачку подбрасываешь! Ладно уж! Сейчас попробую сформулировать, только не торопи.

Настенька поджала ноги, устраиваясь на диване более основательно и демонстрируя этим, что готова ждать долго, а у меня после минутных раздумий созрел ответ:

– Мировоззрение, внучка моя хорошая, – это система самых важных знаний, на основе которых человек понимает мир и строит собственную жизнь. Примерно так!

– Э! Нет! – вскинулась внучка. – На таком уровне и я понимаю... А как пощупать? Чтобы на практике применять! Не получается!

– Вам опять мало! – шутливо проворчал я. – Тогда извольте на примере! Вообрази себе двух разных людей. Первый из них считает, что он всему голова! И потому всё в его жизни зависит именно от него! До всего ему есть дело! Такое вот у него представление о жизни и о себе, такое у него мировоззрение. И он старается во всем разобраться, всему научиться, ведь сам за всё в ответе. Условно назовем его материалистом, и поглядим на его антипода, который считает, будто всё в мире определяется божьей волей, и ничего не зависит от него самого. Если бог насылает беды и болезни, то этому следует покориться, надлежит молиться и терпеть! Потому такой человек пассивен во всём, ведь делает лишь то, что угодно богу. А что именно угодно богу, ему поведаёт священник, который не очень-то над этим раздумывает, а всем твердит одно и то же, не очень вразумительное, но выгодное тому господствующему в обществе классу, к которому норовит примкнуть и сам! Понятно, что нашему второму знакомому много знаний не нужно. Зачем они ему, если бог за всё в ответе, если он, что требуется, тебе ниспошлет или посоветует? Вижу я, ты уловила, как в этих двух людях проявляются два различных мировоззрения, два противоположных подхода к жизни, два несовместимых отношения ко всему в ней и ко всем. Сравнила?

– Ну, дед, у тебя и голова! Мне бы такую!

– Вот уж, не надо! В ней с юности полно мусора, а теперь и всяких болячек!

21

За счет рационального использования времени, проводимого в городском транспорте, мне скоро удалось обдумать те хитрые внучкины вопросы, но ответы на них увели меня совсем в неизвестном направлении. И вот куда...

Давно всем понятно, что современные средства обмена информацией необычайно ускорили любую исследовательскую деятельность многих беспокойных и ищущих истину людей. Причем делают они это не в силу должностных и оплачиваемых обязанностей, а из-за собственного интереса и удовольствия, получаемого от исследований, обмениваясь со многими другими, такими же беспокойными людьми, что часто приводит к быстрым и неожиданным результатам, за которыми так называемые официальные ученые-историки не поспевают. Потому «официальные» тормозят все процессы познания, всячески мешают, клеветают и высмеивают находки самодеятельных первопроходцев. И самое замечательное в этом, что «официальные» никогда не предлагают своих объяснений новым находкам – они их попросту прячут, скрывают, уничтожают, замалчивают, тем самым, выдавая свою антинаучную позицию.

Они активно игнорируют всё, что расшатывает устоявшиеся догмы, которыми и живут. Им попросту так поступать выгодно! Но разве истинные ученые так поступают? Напротив, ученые всегда идут первыми в процессе познания мира! Стало быть, как ни странно, как это ни неожиданно, но официальные историки представляют собой некий псевдонаучный клан, навязывающий мифы и догматы, и стремящийся не допустить познания населением мира с подлинно научных позиций! Ведь недаром они всё, не соответствующее их «науке», опровергнутой новыми фактами, прячут в запасниках музеев или в иных местах, запрещая доступ и изучение этих фактов, противоречащих учениям их якобы авторитетных кандидатов, докторов и целых академиков.

И как, объясните мне самому, пожалуйста, до сих пор не опровергнуто существование истории вообще как некой науки, то есть, строгой области человеческих знаний, опирающейся на объективные законы. То есть, на те законы, которые не зависят от желания людей! Мы же всюду замечаем корысть, то есть, чьи-то отнюдь не научные желания!

Разве история после предъявления к ней оговоренных выше требований может по-прежнему считаться наукой?

Говорят: «Факты – вещь упрямая!»

Не может быть, чтобы вы никогда не слышали столь любимую многими присказку! Так вот – это типичный разговорный штамп, но совершенно неправильный и потому весьма вредный. Он переключает сознание человека на безусловное доверие тому, чему верить нельзя! Он уводит в сторону сознание человека, не позволяет ему правильно оценивать действительность. Сколько людей, столько и мнений! Потому всякий факт, всякое событие можно истолковать как угодно, повернув его и вкось, и вкривь. Какое уж тут «упрямство факта»? Выходит как раз наоборот: факт – явление многоликое, будто резиновое или разноцветное, и верить ему словно истине заведомо нельзя. Ни один факт не может служить доказательством чего-то, если его удаётся представить и так, и сяк! Если всё зависит от интереса человека, толкующего этот факт.

Да вы и сами это знаете... Вон, как журналисты порой оценивают одно и то же событие, непосредственными свидетелями которого они являлись! Спорят между собой и ни за что не соглашаются! Будто о разном говорят! Какая уж тут однозначность фактов?

Потому факт есть явление весьма растяжимое и противоречивое. Факт это отнюдь не синоним слова истина! И такой вывод в равной степени распространяется и на все исторические факты! Они тоже весьма не однозначны! Образно говоря, факт – он как дышло! Куда повернул – туда и вышло! И важно, кто поворачивает дышло! Потому и вся история, даже основанная на реальных, а не выдуманных фактах, ворочается как дышло. И направление этого

дышла определяется тем, в чьих руках факты и сама история, чьим интересам факты и история служат в данный момент! Потом опять всё перекрутят наизнанку! Всё, что угодно, перепишут!

И как после этого можно всерьёз говорить об истории как о науке?

Впрочем, шут с ними, с проходимцами от науки! Как бы они ни пытались заслонить нам реальности мира, мощный поток современной информации, обрушившейся на людей в связи с компьютеризацией жизни, когда-нибудь сметет их с нашего пути!

Но и меня этот поток озадачил, поскольку я совсем не представлял, как можно объяснить многие вновь появившиеся факты? Потому мой авторитет, до сих пор незыблемый в глазах внучки, может и пошатнуться!

Помню, я еще подумал, что всю свою жизнь, как только предоставлялась мне возможность, наращивал свои общие познания, «копал» историю страны и мира, давно не доверяя официальным ее версиям, и потому скоро догадался, что достоверной картины истории сложить одному мне не по силам. Тогда было не по силам.

Уверен, как и я, всякий любознательный человек тогда «тонул» в своих непосильных бытовых заботах, не имея возможности ни собрать нужные факты, ни обобщить их, ни, тем более, сделать какие-то разумные выводы, позволяющие сформировать или уточнить собственное мировоззрение. А оно, и я уже давно об этом задумывался, сложившееся на основе недостоверной в большинстве своём информации, по всему видать, теперь не в ладу с системностью. И уши отовсюду торчат. И одно утверждение с другим не сходится! Во всём обнаруживаются принципиальные противоречия! Всюду заметны неувязки!

Потому и чувствую я уже давненько, что не нахожу ответы на многие вопросы, закономерно возникающие у любого думающего человека. Сам я с этим как-нибудь, возможно, и смирился бы, но это угрожает крушением моей непогрешимости в глазах любимой внучки и ее друзей. Такого исхода я допустить не могу, хотя и не представляю пока, где и как найти время для столь огромной работы, если его не хватает даже на то, что и так давно ждет немедленного разрешения?

Вообще-то стало широко известной аксиомой утверждение, будто нельзя познать систему, находясь внутри нее. Пытаться-то можно, и даже похвально это делать, но результат получится, как тот портрет, навараканный неким абстракционистом! Знаете же, какими у них обычно портреты выходят? Один глаз глядит из задницы; второго вообще не найти; голова – треугольник, вписанный в ромб; а вместо рук корявые ветки торчат, куда попало! Полная нереальность! Даже нелепость! Может, наркотики на них действуют?

Мой тезис о невозможности познания системы, если находишься в ней, легко понять, чтобы поверить в него, на простом примере, хотя, по большому счёту, это итак доказано самой высокой математикой! Допустим, я оказался в неизвестном мне автомобиле. Всё рассмотрел, всё потрогал, всё изучил, но ведь так и не знаю, какой он снаружи и, тем более, какие у него технические характеристики. Даже не знаю, есть ли у него двигатель под недоступным мне капотом? А если и есть, то какой он – дизель или бензиновый? Потому что о системе я сужу из самой системы! Но из этого следует удивительный и неприятный для нас вывод, будто все мы слепцы, много о себе мнящие, а любое наше миропонимание лишь незначительно увязано с реальностью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.